

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИНСТЕРБУРГА

(Die letzten Tage von Insterburg, Dr. Gert Wander)

Отчет, составленный последним бургомистром нашего города, доктором

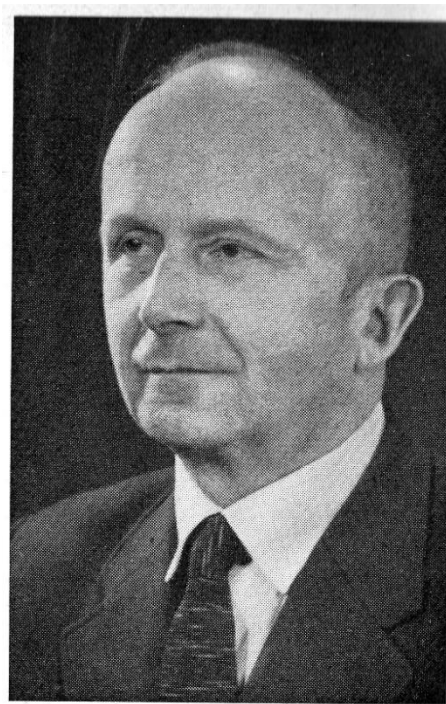
Гертом Вандером

(25.07.1899 Tilsit -25.09.1964 Celle)

Перевод с немецкого Евгения А. Стюарта

Прошло около двенадцати лет с того момента, когда великая скорбь пришла в Восточную Пруссию.

В ночь с 21 на 22 января город Инстербург и большая часть его предместий попали в руки противника. Земляки часто просили меня написать о том, что тогда произошло, дабы жертва, принесенная ради нашего спасения, не забылась. Поэтому теперь я привожу отчет о событиях того времени, какими их видел я. Поскольку мои записи были утеряны в 1945 году, мне придется положиться на собственную память. К сожалению, в некотором отношении, отчет будет не полным, так как многие имена забыты. Но я надеюсь, что сами события мне удастся описать достаточно четко. В частности особо хочу поблагодарить тех, кто помогал мне своими воспоминаниями.

Доктор Герт Вандер

В первую очередь мы осветим значимые события второй половины 1944 года. В жаркие дни июня 1944 года мы в Инстербурге, впервые с того момента как началась кампания против России, услышали канонаду со стороны Каунаса, напомнившую нам о том, как я очень хорошо помню, что нашей родной провинции в скором времени может угрожать серьезная опасность.

Поскольку немецкий восточный фронт уже полтора года находился в состоянии постоянного отступления, многие из нас осознали, что враг придет и в Восточную Пруссию. После того, как в катастрофе под Минском было уничтожено или попало в плен 15 немецких дивизий, фронт придвинулся к нам заметно ближе. Но все те, кто открыто выражал тогда свою озабоченность, рассматривались как пораженцы и могли лишиться не только свободы, но и жизни.

В последующие дни гауляйтер Кох заливался воробьем перед населением Восточной Пруссии, утверждая, что враг никогда не ступит на немецкую землю. А потом сотням тысяч жителей провинции, от малолетних детей до пожилых людей, приказали, невзирая на их здоровье, строить на границе так называемый Восточный Вал.

Город Инстербург и район обязаны были предоставить 20000 мужчин, из которых практически 14000 находились еще в школьном возрасте. Гауляйтунг

(политическое окружное руководство) выявляло виновных в отказе предоставить всех необходимых людей, после чего передавало их под суд или для расстрела.

Приблизившийся вплотную фронт обрушил на Тильзит тяжелые воздушные налеты, которые мы могли наблюдать из Инстербурга. Зарево от осветительных бомб (в оригинале *“Рождественских елок”*) над Тильзитом и вспышки от взрывов на севере являлись последним предупреждением для Инстербурга.

Город имел очень хорошую систему Гражданской обороны и в этом являлся примером для прочих городов. В частности, особые заслуги в этом принадлежали главе Гражданской обороны Инстербурга, Зигеру (Zieger), сумевшему наладить отличную организацию, а также ответственным лицам в полиции, гауптману (капитану) Салевски (Otto Salewski), обер-лейтенанту (старшему лейтенанту) Оттенбергу (Fritz Ottenberg 1891-28.09.1963), и участковому лейтенанту Матзикеиту (Ernst Matzigkeit), пытавшимся сделать все, чтобы защитить население. Кроме того необходимо упомянуть начальника полиции гауптмана Киндта и начальника пожарной бригады Шульца (Richard Schulz).

В городе и пригородах было вырыто множество траншей и туннелей, а обширные подвалы домов укреплены. Все эти меры, осуществленные при участии городских инженеров, помогли многое сохранить во время последующих авиаударов. Большое беспокойство у нас вызывал центр города между Шприценштрассе и Кальвинштрассе (район между Замковым прудом и ул. Госпитальной) со своей крайне плотной застройкой, создававшей повышенную угрозу пожара.

Все просьбы приступить хотя бы к частичной эвакуации женщин и детей неоднократно отвергались в Кёнигсберге и Берлине.

При бомбежке центра города можно было ожидать больших потерь, если часть населения не будет выведена оттуда. Смертельная опасность была устранена практически в последний момент и в том главная заслуга учителя Эрвина Шульца (Erwin Schulz), эвакуировавшего по моей просьбе 26 и 27 июля женщин и детей, проживавших в районах повышенного риска, хотя это никоим образом не входило в его обязанности.

Вечером 27 июля Инстербург подвергся тяжелому удару с воздуха, результатом которого стали большие разрушения и, к сожалению, гибель 120 человек. Не

будь проведена эвакуация из центра города, жертв могло быть намного больше. Пожарной полиции под командованием гауптмана Киндта (Kindt) пришлось бороться с 20 крупными, 30 средними, и приблизительно с 70 мелкими пожарами. Четыре пожарные машины, разрывавшиеся во время трехчасового воздушного налета между депо, замком, кирпичным заводом Паулата (Albert Paulat, в районе переулков Победы) и Люксенбергом (Luxenberg), проделали отличную работу, особенно в том районе, где располагалась химическая промышленность. Хотя все же довольно сильно пострадала фабрика Дренгвица (Drengwitz, к югу от железнодорожного вокзала) и лесопилка Ловитца (Lowitz, район 1-го Цветочного переулка).

Поскольку наша пожарная полиция неоднократно помогала Кёнигсбергу, Тильзиту, и Гумбиннену справляться с последствиями воздушных налетов, то на этот раз уже из Кёнигсберга был прислана подмога, а из Тильзита две пожарные машины.

Вспоминает глава полицейского участка на Шприценштрассе (Spritzenstrasse 10, ул. Водопроводная), оберлейтенант Оттенберг:

“Когда в июле 1944 года три ночи подряд русские бомбардировщики бомбили соседний город Тильзит, что хорошо было видно из Инстербурга, мы с уверенностью ожидали, что аналогичные налеты на наш город не преминут себя ждать. Наши нервы были напряжены до предела и поэтому командные пункты Гражданской обороны и войска находились в постоянной боевой готовности. После последнего налета на Тильзит, на следующую ночь неожиданно завывли наши сирены воздушной тревоги. Практически сразу посыпались первые бомбы. Сотрудники полиции с наблюдательных постов, расположенных на колокольне Лютеркирхи, водонапорной башне (ул. Спортивная), и проволочной фабрике Малка и Хута (Malk und Huth. ул. Победы), докладывали о местах подвергшихся удару и причиненном ущербе. Русские бомбардировщики непрерывно, волнами, в течение долгого времени атаковали город. Будучи начальником 1 полицейского участка я был заинтересован в докладах с первого из перечисленных постов. Вскоре мне пришлось вызывать пожарную полицию на командный пункт, поскольку ратуша (старая ратуша) и дом, принадлежавший фирме Хейсера (Heiser) на Шприценштрассе, напротив департамента здравоохранения, загорелись. Пожарная полиция, однако, была уже полностью занята на других участках, и прошло немало времени, прежде чем она там появилась. Полицейские тоже трудились в других местах. Поскольку под угрозой находился департамент

здравоохранения и на его верхнем этаже уже горели занавески, то вступить в борьбу с огнем пришлось еще до их появления. Для этой цели пришлось привлечь юных помощников, исполнявших роль связных в этом районе. Эти двое ребят, чьих имен я уже не помню, молодцевато взялись за дело. Именно благодаря им огонь не распространился далее по зданию департамента. Помимо многочисленных разрушений по всему городу, бомбы также угодили и в ратушу, а стоявший с ней по-соседству "Рейнский двор" (отель "Rheinische Hof") оказался объят пламенем. В бомбоубежище на Генеральштрассе (нижняя часть ул. Пионерской) были погребены несколько человек, и их было тяжело спасти. Особенно досталось садоводческому хозяйству Фиггеля (Jean Figgel) на Зирштрассе (Siehrstrasse 20, ул. Калининградская), вероятно потому, что русские пилоты, в свете осветительных бомб, освещавших весь город словно днем, приняли его заостренные тепличные крыши и трубы котельной за военный завод. На него упало от 15 до 20 бомб. Принадлежавший этому хозяйству подвал был переоборудован в бомбоубежище. В нем укрылось около 20 человек. Из них восемь погибло, а остальные пострадали в той или иной степени. Что касается персональных травм, то их было чрезвычайно много в пострадавших районах. Жертвы были торжественно похоронены в специально выбранном для этого месте."

Генеральштрассе после налёта советской авиации в июле 1944 года

Разрушенная, вследствие бомбардировки, старая ратуша на Альтер Маркт

На рассвете, с окутанными дымом улицами, город являл собой печальную картину. Работа спасательных команд и полиции была далека от завершения, так как они приступили к идентификации и погребению погибших. В страхе, что нападение повторится, как это ранее случилось в Тильзите, большая часть городских жителей бежала в поля, чтобы провести там следующую ночь. Грузовики непрерывно отвозили испуганных людей в еще более отдаленные деревни, где те оставались несколько дней и ночей. Вопреки опасениям последующие ночи были спокойными и люди постепенно вернулись в свои дома. Поскольку старая Ратуша была частично разрушена, то бездомные отделы городской администрации переместились в новую ратушу на Форхештрассе (ул. Калинина), в чьих подвалах также располагался местный штаб управления и предупреждения Гражданской обороны.

В последующее время случались только незначительные воздушные налеты, но военная обстановка ухудшилась. В начале августа противник временно проник в Мемельский край, а затем пересек – вероятно в начале сентября – границу у Эбенроде (Нестеров) и Шлоссберга (Добровольск). Население и движимое имущество из восточной части этих районов и Мемельского края было позднее эвакуировано. Все мы помним те месяцы, когда около 20000 голов скота проследовало через луга Инстера недалеко от Инстербурга. Некоторые

горожане, после воздушного нападения 27 июля и последующих более слабых атак, переехали в другие области страны к своим родственникам или друзьям. Это также было разрешено сделать неработающим, женщинам, и детям. Запрещалась всякая подготовка к эвакуации в случае непосредственной угрозы со стороны врага. Подобные действия интерпретировались как пораженчество и грозили расследованием Специальным судом. Когда я в начале августа планировал возможность эвакуации города и вел переговоры с железной дорогой и пароходством в Кёнигсберге, то получил жесткий ответ от обер-президиума и правительства. “Как это понимать, а если гауляйтер узнает?!” Хороший повод для этого было найти не так просто.

В Кёнигсберге многие, вероятно, размышляли над тем, что произойдет, если враг вторгнется в Восточную Пруссию, но по инициативе гауляйтера Коха обер-президиуму было разрешено планирование действий с учетом лишь временного вторжения, которое в самый короткий срок будет устранено. Оставался открытым вопрос, каким образом можно будет в этом случае спасти склады и важное оборудование, и предотвратить их попадание в руки врага? В ответ на это обер-президиум передал муниципалитету около 150 писем под грифом “совершенно секретно”, которые были помещены в сейф, и которые должны были быть переданы адресатам по кодовому слову “Лимонница” (Zitronenfalter). Эти письма были адресованы крупным и средним промышленным и коммерческим структурам, таким как городское Коммунальное хозяйство, предприятиям Дренгвица, Туссента (Toussaint), Волленшлагера (Wollenschläger), Шмиссата (Schmissat), Енската (Enskat), типографиям, магазинам текстильных и кожаных товаров, мельницам, и т. д. Согласно этим письмам, которые в случае крайней опасности должны были быть доставлены адресатам, необходимо было немедленно начать вывоз заранее оговоренного оборудования или материалов. Далее они могли быть отправлены в различные города Восточной Пруссии, Кёнигсберг, Цинтен (Корнево), Хайлигенбайль (Мамоново), Алленштайн (ныне польский Ольштын), и другие. Эти письма так никогда и не были доставлены по назначению. Что бы произошло, если бы мы действительно однажды, в минуту опасности, действовали в соответствии с этими указаниями? Было бы просто невозможно за столь короткий срок найти столь много транспортных средств и вагонов, а также рабочих, которые демонтировали бы все это оборудование и вывезли его. Подготовка к эвакуации населения при возникновении угрозы по-прежнему не разрешалась. Гауляйтер снова и снова заявлял, что не только армия, но и

простые люди вцепятся в родную землю, и никакой враг не проникнет вглубь провинции.

Однако вскоре грянули кризисные дни с 20 по 23 октября.

Предприняв неожиданное наступление, Советы подошли с севера к реке Мемель, а также вторглись с востока со стороны Шлоссберга, прошли в нескольких километрах от Гумбиннена и, пройдя через Роминтенскую пущу, ворвались в город Гольдап. Мы помним те дни, давшие нам почувствовать, что грозит Восточной Пруссии после того, как нашу родную провинцию захлестнет русский потоп.

Небо на востоке пылало красным огнем, день ото дня канонада становилась все сильнее, улицы были запружены беженцами и машинами, скотом и лошадьми. Наш город был настолько полон людьми и автомашинами, что полиция едва справлялась с этим потоком, а армейские подразделения с трудом могли пройти. Дети и жеребята, потерявшие своих матерей, бродили по улицам Инстербурга. Железнодорожный вокзал осаждали тысячи людей из приграничных районов, испуганно сидевших на своих вещах в ожидании возможности сесть на поезд.

Население города и округа было очень взволновано, озадачено, и обеспокоено, особенно после известий о страшных событиях в Вальтеркемене (Ольховатка), Неммерсдорфе (Маяковское), и Гольдапе, а появление советских танков к западу от Гумбиннена привело к тому, что поездов и транспорта для перевозки такого количества людей стало резко не хватать. Крайсляйтер, ответственный за руководство действиями, воробьем метался по провинции, а крайсляйтунг не получал никаких распоряжений от гауляйтунга. Когда же я сам связался с гауляйтунгом в Кёнигсберге и описал сложившуюся ситуацию должностному лицу по фамилии Кнут и попросил немедленно предоставить транспортные средства, то он заявил, “что у меня, вероятно, температура 44 градуса и посоветовал держать мне ноги в тепле, дабы сохранить холодную голову”. И только когда я настойчиво указал ему на возможные жертвы и панику, которые бы вызвал один единственный налет на заполненный тысячами людей вокзал, он, после длительных переговоров, пообещал мне, что постарается связаться с гауляйтером, находившемся в штаб-квартире фюрера в Растенбурге. Несмотря на все ожидания, он перезвонил мне через полчаса и сказал, что запрашиваемые поезда будут предоставлены. И в самом деле они прибыли той же ночью и присылались по требованию в последующие дни. Таким образом мы

смогли освободить станцию и вывезти беженцев из города. Несмотря на слабость немецкой обороны, Советы не пошли дальше. Фронт остановился, а в некоторых местах отброшен назад. Гольдап был отбит, и в последующие несколько месяцев было относительно спокойно. После октябрьской катастрофы предпринятые Комиссаром Обороны Рейха меры значительно изменили жизнь города и района. Этими мерами были “экономическое ослабление” города Инстербурга, а также эвакуация женщин, не задействованных в военном ведомстве, детей и не служивших в фольксштурме мужчин. Из района, находившегося к востоку от линии Ангербург (польский Венгожево) - Норденбург (Крылово) – Инстербург - Кройцинген, (Большаково), пришлось эвакуировать население и скот. Местом назначения для беженцев из города и округа Инстербург был выбран район Морунген (польский Моронг) и земля Саксония. Та часть района, что находилась к западу от данной линии, продолжала мирно работать. В ноябре и декабре люди продолжали покидать не только город, но и восточную часть района, отправляясь в район Морунген. Также продолжалась работа над “экономическим ослаблением”.

Первые недели после октябрьских событий поезда, направлявшиеся в Морунген и Саксонию, и везшие стариков и женщин с детьми, были переполнены. Однако со временем, когда на фронте успокоилось, и распространились хорошо известные слухи о новом чудо-оружии и силе Восточного фронта, потребность в поездах снизилась, и многие женщины и люди преклонного возраста, не служившие в фольксштурме, вскоре вернулись, потому как не желали жить беженцами на чужбине. К тому же дома они были хорошо обеспечены топливом и продовольствием. Вследствие того, что призывы покинуть город во многих не нашли никакого отклика, то я решил отказаться от своей продовольственной карточки в пользу тех, кто в Инстербурге не имел ничего, тех, кто оказался вынужден мигрировать в наш город. Но многие из них ежедневно посещали начальника экономического и продовольственного ведомства, господина Нигиша (Rudolf Niegisch), или меня с настоятельными просьбами решить для них вопрос о карточках. Они полагали, что не существует никакой угрозы, а если она и есть, то никогда не станет критической, и поэтому нет никакой необходимости заострять на ней внимание. Господин Нигиш и я не разделяли этого мнения, потому как осознавали всю величину опасности, и нам приходилось снова и снова объяснять им, что в случае возникновения угрозы, каждый из них окажется большим бременем для тех, на кого будет возложена задача немедленно эвакуировать город. Многие из этих людей в гневе уходили, говоря, что припомнят нам это посещение. Особые проблемы создавал Региональный

Продовольственный Департамент в Кёнигсберге, на который поступало множество жалоб, и нам было поручено выдавать карточки на свое усмотрение. Мы не выполнили этого распоряжения и тем самым гарантировали отъезд из города наиболее пострадавших. Однако нам трижды пришлось вывозить население из Инстербурга, поскольку люди постоянно возвращались назад. Количество остававшихся в городе инстербуржцев варьировалось от 8000 в ноябре-декабре до 10000 в начале января 1945 года (на 1939 год числилось 49000).

“Экономическое ослабление” было направлено на закрытие промышленных, коммерческих, и торговых учреждений и перевоз их в район Морунген и другие восточно-прусские районы, так как они не были необходимы для нужд армии, что в результате привело к сокращению населения Инстербурга и его окрестностей. Таким образом, в течение ноября-декабря прекратили работу не только продуктовые магазины, но и прочие точки розничной торговли, компании пекарей, мясников, ремесленные фирмы, и прочие, перебравшиеся в район Морунген и другие регионы. Также и крупные предприятия, такие как фабрики Дренгвица, Енската, Малка и Хута, мельница, печатные издания, и другие, чье оборудование было полностью или частично демонтировано, отправились в Кёнигсберг, Хайлигенбайль, Морунген, Замланд и прочие. Техническая Скорая Помощь, Ремонтно-Восстановительная служба ГО, а также время от времени Инженерно-Саперное подразделение с утра до вечера занимались демонтажем и упаковкой. По непонятным причинам было строго запрещено перемещать за пределы Восточной Пруссии не использованные машины, оборудование, запасы продовольствия, текстиля и пр. Любая попытка сделать это пресекалась, невзирая на различные угрозы. Никакие доказательства и убеждения, что производство можно немедленно наладить в другом городе Западной Германии, не действовали на гауляйтера. Все это должно было остаться в Восточной Пруссии. Даже в соседней провинции Западная Пруссия-Данциг, (между гауляйтером Кохом и гауляйтером Западной Пруссии-Данцига Форстером существовали такие же разногласия, как между “враждебными государствами”) было дозволено подобное перемещение, и оттуда гораздо проще было отправить в Рейх эвакуируемое имущество. Населению же было разрешено вывозить бытовое имущество в Рейх только в коробках, а шкафы или кровати лишь по одной штуке за раз. Отправка прочей мебели была запрещена. Что-то спасти смогли только несколько семей из нашего города. Это произошло потому, что груз не удавалось отправить достаточно далеко, и он терялся на просторах Западной Пруссии, Померании и

Силезии.

Город медленно пустел, что повлияло на работу городского совета. Школы с 20 октября были полностью закрыты, а учителя – если не служили в фольксштурме – были заняты на других местах или отправлены в отпуск.

Так как работы по устранению последствий авианалетов, которые велись под руководством Отдела Городского Строительства руками иностранных рабочих, были прекращены, то их перенаправили на демонтаж эвакуируемого оборудования.

В связи с эвакуацией большей части населения также сократилось и число тех, кто получал пособие на содержание семьи и продовольственные карточки. Налоговой службе города было поручено учесть особое положение и принять во внимание отсутствие налогоплательщиков. Вскоре появилась возможность перевезти большую часть городской администрации, особенно старшего возраста и женщин в район Морунген, предназначенный для беженцев из Инстербурга, и открыть там ее филиал. Туда уезжали все, в ком не было необходимости в Инстербурге.

**Здание новой ратуши на Форхештрассе, в которой размещался штаб управления и предупреждения
Гражданской обороны**

Главой (инстербургской) администрации Морунгена был назначен старший студенческий директор доктор Шульц (Dr. Walter Schultz), директор старшей школы для девочек Гинденбурга, поскольку муниципальный советник, доктор Сиригк (Dr. Karl Sierigk), в начале октября был призван в армию, а оба его заместителя заболели. Окружной президент правительства, доктор Роде (Herbert Rhode, 20.07.1885 – 14.02.1975), перебрался со своей администрацией из Гумбиннена, находившегося под постоянным обстрелом, в Инстербург, и занял часть помещений новой ратуши на Форхештрассе.

Гауляйтер Кох организовывал Восточный Вал и фольксштурм, и постоянно заявлял, что для населения не существует никакой опасности. Армия и фольксштурм получили новые позиции, оснащенные противотанковыми рвами, а также “горшками” Коха (Оборонительные сооружения, похожие на кольца бетонного канализационного коллектора), якобы способными остановить любое наступление врага. Генерал-полковник Рейнхард, по случаю приведения к присяге фольксштурма на Инстербургском стадионе, сказал, что удержит фронт. Но все мы прекрасно знали, что на Восточном фронте испытывался крайний недостаток сил. В Инстербурге теперь был свой комендант, разместившийся в дивизионном здании (старая больница, возле водонапорной башни). Он постоянно держал меня в курсе ситуации и поэтому уже в ноябре я знал, что Советы разворачивают три больших ударных армии. Одна с востока, со стороны Гумбиннена, в направлении удара на Кёнигсберг, другая с востока, со стороны Цихенау, в направлении на Данциг-Эльбинг, и третья, являвшаяся самой сильной группировкой, в районе Варшавы, приготовилась наступать на Берлин. Хотя немецкое командование все это знало, но продолжало оголять восточный фронт, перебрасывая многочисленные подразделения на запад, в стремлении начать бессмысленное наступление в Арденнах.

В начале ноября всякий проникательный человек уже понимал, что скорое вторжение врага вглубь Восточной Пруссии не только возможно, но вполне вероятно. Тем не менее, гауляйтер Кох запретил дальнейшее планирование и подготовку к эвакуации и спасению людей в случае наивысшей опасности. Если бы на фронте произошли изменения, то пришлось бы прибегнуть к “импровизации”. Те, кто сомневался в окончательной победе и силе Восточного фронта, объявлялись паникерами и пораженцами, и к ним применялись самые суровые меры. Подобное отношение и точка зрения властей провинции выглядели преступлением против беззащитного населения в чрезвычайной ситуации, и сегодня я рад, что не потакал им и действовал вопреки.

В начале ноября я разработал подробный план срочной эвакуации города Инстербург в случае возникновения наивысшей опасности. Он содержал подробные меры для администрации, хозяйства, полиции, организаций, учреждений, предприятий, транспорта, а также положения о сигналах, местах сбора, транспортировке населения, и т.д.. Были заключены договоренности с железной дорогой и транспортной службой в отношении грузовых и легковых автомобилей, расписаны задачи компетентных органов и отдельных лиц. Этот план сразу же дал положительный эффект. Он оказал определенное успокоение на часть населения и особенно на власти, потому как теперь они знали, что на случай опасности приготовления сделаны. Свой долг особенно образцово исполняли женщины в администрации, которые раньше часто задавались тревожным вопросом: “Сумеем ли мы уйти, когда придет время?” Большие опасения, что подготовка к эвакуации станет известна гауляйтеру, оказались необоснованными. Но все, кто что-то знал или участвовал в этом об этом, молчали. Да и я всего лишь мог попросить их держать рот на замке. Особенно мы должны благодарить, в частности, окружного президента доктора Роде, который был посвящен во все мельчайшие подробности подготовки к эвакуации. Он молча содействовал и ничего не сообщил об этих противоправных действиях в Кёнигсберг.

Рассказывает оберлейтенант полиции Оттенберг: *“Поезд за поездом городские предприятия вывозили свое оборудование и материалы вглубь провинции. Остались только те компании, которые были необходимы для поддержания жизнедеятельности населения, да и то только до тех пор когда церковные колокола не объявят о полной эвакуации. До тех пор, однако, многое еще предстояло спланировать и подготовить, принимая во внимание защиту населения от ожидаемых авиаударов и заботу о том, чтобы оставшиеся смогли своевременно покинуть город. Какие испытания при этом выпали на долю городского совета и другие компетентные органы может оценить лишь тот, кто принимал в этом участие. На город продолжали совершаться авианалеты, хотя по сравнению с июльским их можно было расценивать как незначительные.*

Днем и ночью бургомистр приглашал своих ближайших коллег для консультаций. Я помню в его окружении медицинского советника доктора Фэрбера (Dr. Gerhard Faerber), ветеринарного советника доктора Якобсена (Dr. Jacobsen), главу Гражданской Обороны господина Зигера (Zieger), главу Благотворительного Фонда господина Бекера (Becker), господ Аппеля (Appel),

Риеля (Hermann Riehl), Дренгвица (Drengwitz), доктора Хейнтца (Dr. Walter Heintz), капитана полиции Салевски (Otto Salewski), капитана пожарной полиции Киндта (Kindt), служащих Гражданской Обороны товарищей Матзигкейта (Matzigkeit) и Бауманна (Baumann), начальников полицейских участков Шабловски (Franz Schablowski) и Верфассера (Verfasser), и многих других, чьи имена я хотел бы назвать, но память уже не позволяет".

В отличие от предыдущих лет, декабрь принес в Инстербург облачную и промозглую погоду, местами с морозящим дождем и мокрым снегом. Небо главным образом было пасмурным, и мы радовались этому, поскольку справедливо считали, что враг начнет свое наступление в ясную и морозную погоду.

За исключением нескольких упавших накануне бомб и раненых мы провели Рождество относительно спокойно, но в душе царила тоска, потому что мы догадывались о том, что это последний наш праздник в Инстербурге. Те же горожане, что служили в фольксштурме, отметили Рождество в окопах в Эйхвальдском лесу, между Фелдеком (Дальняя Вязовка) и Луизенбергом (Зеленый Бор).

В те дни я впервые понял, насколько хорошо организована вражеская разведка. Однажды, где-то между Рождеством и Новым годом, военный комендант, генерал Дормаген (Karl Hans Dormagen, 17.01.1890 – 14.01.1969), проинформировал меня о сложившейся ситуации. Выглядел он очень подавленным. На мой вопрос, что стряслось, и не поступали ли дурные вести в ходе его ежедневных запросов в штабы 3 и 4 армий, он ответил, что все обстоит печально. Около восьми дней тому назад, на участке между двумя дивизиями, русские прокричали в громкоговоритель: "До свидания! Всего вам доброго, вскоре вы встретитесь с нашими товарищами в Венгрии, так как вас отправляют туда". Получив сообщение об этом инциденте штабы 3 и 4 армий оказались очень удивлены, так как ничего об этом не знали. Генерал Дормаген сказал мне, что сегодня утром упомянутые дивизии действительно отправились в Венгрию. Насколько хорошо работала русская разведка, настолько плохо работало наше собственное командование.

Генерал-майор Карл Дормаген

В этом контексте интересен следующий доклад районного лесничего, Поля Нагеля (Paul Nagel) из Эйхенберга (Лесное):

“В августе 1944 года военное руководство решило, что Эйхвальдерский лес может послужить хорошим местом для постройки линии обороны. Для ее строительства был вызван и я в качестве лесничего. Вскоре был прислан строительный батальон, работавший там в течение месяца. Позже прибыло множество гражданских лиц, занявшихся рытьем противотанковых рвов. В октябре и ноябре там был размещен фольксштурм из Мемеля, который в начале декабря 1944 года сменил фольксштурм из Инстербурга. В начале января он был усилен фольксштурмом из Гольдапа, занявшим позиции в Эйхвальдерском лесу.”

Начало января было отмечено улучшением погоды. Начались морозы и выпал снег, а 13 января, около 7 часов утра, мы слышали рокот, который приняли за движущиеся через Инстербург танки. Но вскоре стало известно, что русские предприняли крупное наступление и открыли двухчасовой ураганный огонь по немецким позициям. В первые дни наступления, одновременно начавшегося по всему восточному фронту, советским войскам удалось прорвать оборону лишь в нескольких местах, особенно к западу от Трапённерского леса и Шлоссберга. К 17 января, однако, им удался глубокий танковый прорыв, а 18 января в Жиллене (Жилино) и Грюнхейде (Калужское) они перерезали железнодорожную линию Инстербург-Тильзит и подошли вплотную к Эйхвальдерскому лесу. 19 января, приблизительно в 4.30, по телефону, я получил приказ Комиссара Обороны Рейха приступить к эвакуации города Инстербург, переданный мне через крайсляйтера. Спешить не рекомендовалось, поскольку есть еще 5 дней в запасе. Коммунальное хозяйство не должно быть парализовано, а промышленные предприятия, такие как пивоваренный завод, фабрика Дренгвица, и другие, включая фермы, вывозить еще рано, и нужно ждать специального на то приказа. Вполне возможно, что ситуация еще улучшится. Но команда эвакуировать городские предприятия так никогда и не поступила. Приказ об общей эвакуации стал последним, который я получил от высшего руководства.

Крайсляйтер, в чьи обязанности вменялось руководство действиями, согласно моим сведениям находился в те кризисные дни в районе, где занимался эвакуацией сельского населения. Немедленно после получения приказа об эвакуации жители были подняты по тревоге, но не звоном колоколов и выстрелами на уличных перекрестках, как это было изначально оговорено в

случае внезапного нападения врага, а устно через громкоговоритель, что было организовано учителем Е. Шульцем (Erwin Schulz) и учителем средней школы Нётцелем (Kurt Noetzel).

Так как по мнению Кёнигсберга непосредственной опасности не существовало, то у нас не было оснований излишне беспокоить население. Как было предусмотрено планом эвакуации у меня сразу же, перед рассветом, собрались директора предприятий, руководители органов власти, начальники отделов городского хозяйства, полиции, пожарной полиции, различных организаций и другие. Стало происходить то, на что я и не смел надеяться. Теоретически план эвакуации оправдал себя вплоть до мельчайших деталей. Образцово исполняя свой долг, каждый делал то, что ему было поручено.

Эвакуация населения началась утром обычными и специальными поездами, грузовыми и легковыми машинами и, невзирая на внутреннее напряжение и близость врага, все проходило спокойно и без особой спешки. Когда в первой половине этого дня, несмотря на неоднократные звонки из Кёнигсберга, я так и не получил команды на эвакуацию предприятий, то сам отдал такое распоряжение. Поэтому большая их часть начала вывозиться в пятницу (19 января). Должностные лица и служащие администрации, еще остававшиеся в Инстербурге, частью на поездах, а частью на автобусах, были отправлены в Морунген. Только женщинам-служащим я позволил сразу уехать в приемный пункт в Саксонии или другие районы Рейха, после чего они должны были доложить о прибытии. Несмотря на то, что данное распоряжение шло вразрез с указаниями из Кёнигсберга, оно казалось вполне уместным. Наряду с эвакуацией городского населения необходимо было вывезти все самое ценное оборудование и материалы, которые не должны были попасть в руки врага. Особенно это касалось авторемонтных мастерских и шерстопрядильной фабрики Туссента, которые еще не были вывезены, поскольку работали на Вермахт. В первую очередь нужно было снять важные части с тех машин и оборудования, которое невозможно было эвакуировать, дабы враг не смог ими воспользоваться.

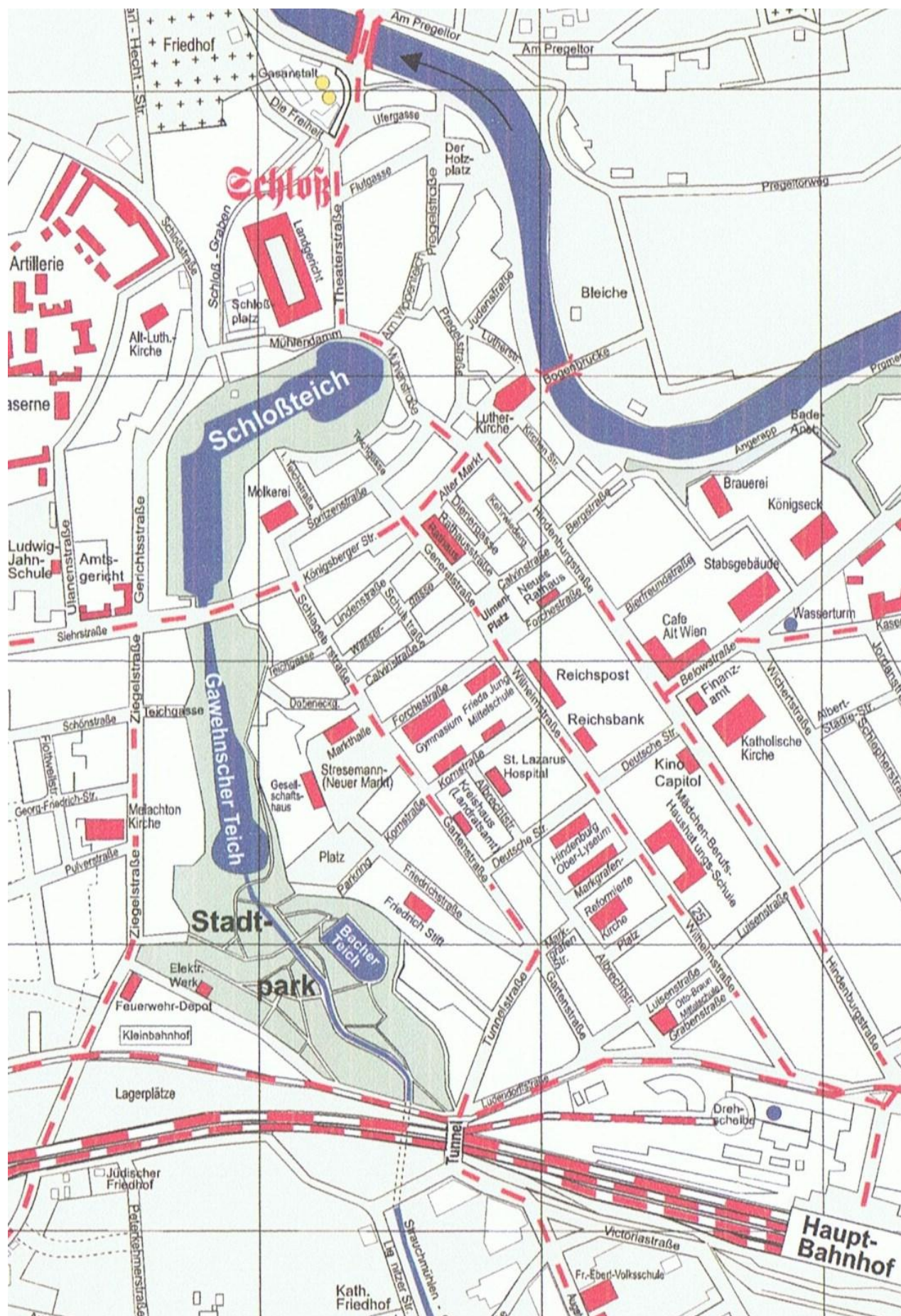
Этот, так называемый “паралич” наиболее важных предприятий, начавшийся в пятницу, был закончен в субботу, 20 января. Итак, все это происходило в пятницу, 19 января и, несмотря на страх перед происходившими событиями, все проходило абсолютно спокойно, хотя враг уже прошел большую часть Эйхвальдерского леса и сражался с нашим фольсштурмом из Инстербурга,

несшим значительные потери. Там погиб и директор Кёлер (Köhler), глава нашей городской гимназии.

19 января и в ночь на 20 января город покинуло приблизительно от половины до двух третей населения Инстербурга. При этом особенно отличились господа Шульц и Нётцель. Очень превосходно проявила себя наша полиция под руководством капитана Салевски, глав участков Оттенберга и Шабловски, участкового лейтенанта Матзикейта и мастера Бауманна. Некоторые инстербуржцы, вероятно, обязаны им своими жизнями. Для меня было особенно больно узнать впоследствии, что капитан Салевски и его супруга (Hildegard Salewski), находившиеся в Кёнигсберге на момент капитуляции этого города, погибли.

До утра 20 января враг не мешал ведению эвакуации. Более не поступало никаких распоряжений, хотя местная организация Гражданской обороны все еще имела телефонную и радиосвязь с Кёнигсбергом. Контакт я продолжал сохранять только с окружным президентом, перенесшим свою штаб-квартиру в Норкиттен (Междуречье).

Утром 20 января, около 9 или 10 часов – как раз должны были отъезжать последние автобусы с членами городского совета во главе с директором Аппелем – русские начали крупный трехчасовой авианалет на город. Я только-только закончил последнее собрание, когда первая волна русский бомбардировщиков начала свою атаку. Последний раз взвыли сирены в Инстербурге и на этот раз, как и в последние несколько месяцев, поскольку фронт находился очень близко к городу, уже после того, как упали первые бомбы. Волна за волной до полудня на город сыпались обычные и зажигательные бомбы, вызывая большие пожары и разрушения, особенно на Гинденбургштрассе (ул. Ленина) и Луизенштрассе (ул. Тельмана), Альтер-Маркт, Маркграфенплац, Вильгельмштрассе (ул. Пионерская), Зирштрассе (ул. Калининградская), на Каралинерском шоссе (ул. Ленинградская) и во многих других местах.

Центральная часть Интербурга

Пожарная полиция начала тушение пожаров еще во время налета, но ее работа весьма затруднялась сильным морозом и постоянным воздействием противника. Невзирая на это она исполнила свой долг превосходно и ликвидировала множество пожаров. Это было необходимо сделать, потому что оставалась еще слабая надежда, что ситуация в последнюю минуту стабилизируется.

Во время этого налета по городским улицам продолжали разъезжать машины с громкоговорителями, призывавшими жителей покинуть город. Они очень сильно пострадали от осколков бомб. Поскольку город практически опустел, то при этом нападении погибло всего около 30 человек. Отлично сработала санитарно-медицинская служба Гражданской обороны под руководством господина Нойманна (Neumann).

Когда около 13 часов дня улетели последние вражеские бомбардировщики, мы собрали последние автобусы и собрались перед командным пунктом Гражданской обороны, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Нас было очень мало, но чувство долга останавливало нас от того, чтобы сразу покинуть горящий город.

Я до сих пор помню разговор с городским суперинтендантом Фюгом (Füg), который не хотел уезжать, так как считал, что должен похоронить жертвы налета, да и из Кёнигсберга все еще не поступало указаний оставить город. Я имел право дать такое распоряжение, но суперинтендант покинул город только после того, как предал земле всех мертвецов.

Вскоре после полудня начались небольшие воздушные налеты. Когда мы около 15 часов собрались в моем командном пункте на Форхештрассе на оперативное совещание, мне сообщили, что враг развернул свою артиллерию в районе Фельдека (Загорское) и в ближайшее время нужно ожидать артобстрела города. В связи с этим всякая работа оказалась парализована.

В отправленный по маршруту Альтер-Маркт, Гинденбургштрассе, Беловштрассе (ул. Спортивная), водонапорная башня, автомобиль с громкоговорителем попала бомба, полностью выведя его из строя. В последний раз зазвонили колокола Лютеркирхи, дабы еще раз призвать покинуть город тех, кто еще оставался, несмотря на все предупреждения.

Эвакуация города завершилась во второй половине дня, 20 января. Оберлейтенант Оттенберг писал:

“Вскоре после этого зазвонили церковные колокола и оставшиеся инстербуржцы поняли, что настало время покинуть город. Лишь командный пункт в городской администрации с центром Гражданской обороны, под руководством бургомистра, пожарные и полицейские обоих участков по-прежнему оставались на своих местах до поступления соответствующего распоряжения. Также оставался минимальный «костяк» имперской почты и железной дороги. Движение поездов на Кёнигсберг все еще не было прервано. Едва отгремели церковные колокола, как оставшееся население пришло в движение. Жители покидали город главным образом на автомобилях и запряженных лошадьми повозках в направлении Гердауэна (Железнодорожный) по Иммельманштрассе. Пешие торопились на вокзал. Муниципалитет договорился с железной дорогой, чтобы оставшемуся населению была предоставлена возможность уехать. Сам город в это время находился под постоянным обстрелом.”

Большая неудача постигла во время отъезда мясника Густава Беринга (Gustav Behring). Когда он проезжал на своей груженной повозке, запряженной двумя лошадьми, мимо кафе “Мельница” (ныне перекресток ул.Калининградская и ул. Садовая), то обе его лошади были убиты осколками разорвавшегося снаряда. Сам Беринг, его работник Хаген (Hagen) и продавщица, сидевшие в повозке, не пострадали. Беспомощно взирал Густав Беринг на то, как мимо него проплывал поток машин и повозок, спеша покинуть город. Никто не помогал ему, но при каждом удобном случае он старался оказаться полезным другим и протягивал им руку помощи. Я оказался свидетелем этого несчастья, поскольку случайно оказался в том районе, и был до крайности возмущен людской черствостью. Я упоминаю этот случай в своем докладе, хотя это очень неприятно. Надеюсь, что те, кто находился тогда там, прочитают эти строки и снова об этом вспомнят. Однако нужно было помочь Густаву Берингу и я в принудительном порядке остановил проезжавшую мимо телегу с лошадьми и прицепил к ней его повозку. Мертвые лошади были перевезены на патрульной полицейской машине на Шприценштрассе. Позже я повстречал Беринга в мясной лавке в Прейсиш-Эйлау (Багратионовск), где он работал продавцом. В благодарность за мою помощь в Инстербурге он продал мне кусок бекона.

Про обстановку на вокзале пишет служащий железной дороги Август Картариус (August Cartarius):

“До последнего дня, 20 января 1945 года, товарная станция была забита кроватями, кушетками, диванами, креслами, и пр., ожидавшими отправки.

Однако к погрузке допускались лишь те предметы мебели, которые служили местом для сна. В 18.00 приемка вещей завершилась. В 19.00 закончилась погрузка в товарные вагоны. Но хотя грузовые составы и отправлялись из Инстербурга, они не могли покинуть пределы Восточной Пруссии. В то же время кассы были осаждаемы желающими уехать рабочими, служащими, и чиновниками, особенно после того как случился большой авианалет. Не было никого, кто закончив в пятницу свою работу отправился бы на выходные, получив приказ со станции явиться в субботу с вещами на службу. Я полагаю, что все, кто оказался достаточно разумен, пришли утром на работу с тем скарбом, который можно было унести в руках. Во второй половине дня пассажирский состав наконец-то вывез в сторону Кёнигсберга всех ставших бесполезными здесь людей. Многим было дозволено отправиться прямо на запад и там встать на учет в приемном пункте.

В 16.00 (20 января) снова начался убийственный налет. Пассажирский поезд был битком набит людьми и едва покинул 2 перрон. Он находился на мосту (над туннелем), когда две бомбы угодили в 1 перрон, разнеся кассу для билечивания. Был убит один железнодорожник, а второй тяжело ранен. Перегруженный состав успел избежать беды. Мы, продолжавшие нести свою службу, не знали как долго все это продлится.

Русские уже были недалеко от Инстербурга. Можно было слышать как работает их артиллерия. Пассажирский вокзал и товарная станция днем обстреливались с низколетящих самолетов. Работа периодически приостанавливалась. Люди, к счастью при этом не пострадали. К вечеру русские перенесли огонь своей артиллерии. С этого времени и до поздней ночи они били по западному выезду из города. 20 января, около 24 часов, на небольшой полустанок подошел товарный поезд. Мы уехали примерно в полпервого-ночи 21 января 1945 года.”

Как сообщил мне военный комендант, генерал Дормаген, враг уже достиг окрестностей Шприндта, а также приближался к городу с севера. Когда начался обстрел, то мы заметили, что снаряды в основном ложились в районе вокзала и Зирштрассе.

Вечером, во время обхода города, я уже не встречал тех, кто не должен был оставаться в Инстербурге. И это было хорошо, поскольку военная обстановка значительно ухудшилась. Враг подошел к Марктхаузену (Высокое), а отдельные танки противника сделали небезопасной дорогу Инстербург-Кёнигсберг.

Вечером, 20 числа, в Инстербурге, за исключением нескольких военнослужащих Вермахта, главным образом относившихся к тыловым службам, оставался инстербургский фольксштурм, находившийся в Альтхофе и не имевший тяжелого вооружения, а также полиция, пожарные, санитарно-медицинская служба, части Технической Скорой Помощи, и эвакуационная команда, насчитывавшая около 25 человек, и располагавшая одним грузовиком и несколькими легковыми автомашинами.

В состав эвакуационной команды входили господа Нигиш, Отто Хаген, Дюбойс (Dubois), Хольц (Holz, полицейский), Рихард Нойманн, Рабашюс (Rabaschus), кондитер Гертнер (Gertner), коммерсант Хейнахер (Heinacher) и другие. В рядах фольксштурма числились господа Падеффке (Padeffke), и ректор Радке (Radtke). Во второй половине дня мне, от имени окружного президента позвонил руководитель отдела департамента окружной полиции, оберлейтенант Шрёдер, и спросил, почему мы еще не оставили Инстербург, так как военная обстановка складывалась таким образом, что прихода врага можно ожидать в течение этой ночи. Но поскольку комендант убедил меня в том, что положение еще не настолько серьезно, я посчитал правильным остаться в городе. Пришедшая в наш родной город ночь для всех, кто еще оставался в нем, пожалуй стала незабываемой, потому как все мы знали, что скоро придет враг. Стоял сильный мороз, электростанция была частично разрушена, а ее оборудование парализовано, так что не было ни света, ни воды, так как работа водоканала была прекращена. Едва потушенные пожары постепенно разгорелись вновь, а обстрел усилился. Ф. Ландманн, ушедший вечером из города с командой Гражданской Обороны, пишет:

“Вечером 20 января горящий город представлял жуткое зрелище. Он был укрыт густым облаком дыма. Небо было кроваво-красным. Небольшие одномоторные самолеты сбрасывали фугасные и осколочные бомбы.”

Несмотря на наше угрюмое настроение и неуверенность в том, чего нам ждать в ближайшие несколько часов, мы были рады тому, что удалось вывести население из Инстербурга. Как я узнал позже, в субботу в Инстербург из Кёнигсберга приезжали члены СД (внутрипартийная служба безопасности НСДАП), чтобы ознакомиться с положением и проконтролировать деятельность различных служб. Тогда мы об этом не знали.

В субботу и в ночь на воскресенье мы дважды оказывались в весьма неприятной ситуации.

Когда, во второй половине дня, я вернулся от военного коменданта на командный пункт, расположенный на Форхештрассе, то узнал, что пожарные уехали из города. Мне сообщили, что в мое отсутствие некий высокий чин пожарной полиции Инстербурга отдал такой приказ, посчитав, что город потерян. Мой гнев был особенно сильным, так как пожары разгорелись вновь. К тому же снова загорелся угловой дом на пересечении Гинденбургштрассе-Форхештрассе, расположенный рядом с Ратушей. Для командного пункта, а также для радио- и телефонной связи, это была прямая угроза. Члены эвакуационной команды пытались таскать ведрами скопившуюся в подвале воду для тушения этого пожара, но у них мало что получалось. Наконец уехавшие пожарные были настигнуты в районе Дидлакена (Тельманово)-Йенихена (Свобода) посланным за ними мотоциклистом и возвращены назад. Им удалось ликвидировать большую угрозу от огня, которую ранее отряд Вермахта пытался устранить при помощи фаустпатронов, взорвав два дома на Гинденбургштрассе. Пожарные проделали огромную работу, несмотря на то, что насквозь промокли на сильном морозе и находились под непрерывным обстрелом.

Пишет капитан Киндт, в настоящее время начальник Пожарной охраны в Гамбурге:

“Тушение пожаров было в самом разгаре...

Вдруг, что это?

Звонят колокола Лютеркирхи!

Город должен быть оставлен немедленно. Я получил приказ от оберлейтенанта Шрёдера из окружного правительства Гумбиннена, работавшего в Инстербурге, приказ сразу прекратить тушение пожаров, а пожарной команде покинуть город в направлении Норденбурга. Мы свернули все свое оборудование и как было оговорено собрались во дворе пожарной охраны.

Погрузка прошла точно по графику и около 15.30 последняя машина покинула пожарную станцию. Напоследок я зашел в свой кабинет, заглянул в квартиру, и взяв лейтенанта Шульца также поехал в сторону Норденбурга. Возле кирпичного завода Паулата мы остановились и оглянулись на город. Пожары, бушевавшие на Вильгельмштрассе, разгорелись вновь. Небо над Инстербургом было красным и таким же на востоке.

Состав пожарной полиции был таковым:

26 активных членов пожарной полиции Инстербурга.

22 члена Гражданской обороны

22 члена пожарной команды Гитлер-Югенда

32 члена пожарной полиции Минска (?)

плюс 15 транспортных средств, включая 3 легковых машины.

Неподалеку от Йенихена в сумерках нас нагнал полицейский Нагель из Инстербурга и передал приказ от начальника Полиции Порядка (Ordnungspolizei) из Кёнигсберга: «Пожарной полиции Инстербурга немедленно вернуться для тушения пожаров» Почему? Возможно, что что-то пошло не так. Как начальник мог сделать такое распоряжение, не зная положения в Инстербурге? Или сигнал об эвакуации был ошибочным? Но приказ есть приказ. Я сразу же поехал на своей машине в Инстербург и откомандировал лейтенанта Шульца вернуть из Норденбурга три большие пожарные машины. Все остальные машины, собравшиеся в Норденбурге в деревянном сарае, оставались там до следующего распоряжения.

Прибыв на Форхештрассе, в местное отделение Гражданской обороны, я заметил, что возникли новые возгорания, некоторые из которых превратились в крупные пожары. Большой угловой дом на пересечении Гинденбургштрассе-Форхештрассе (ювелира и часовщика Кейселя) пылал и от него летели искры, угрожая поджечь здание полицейского управления на Форхештрассе, в котором располагался командный пункт. Возвращавшиеся назад три машины были остановлены фельджандармерией на дороге в Инстербург. Жандармам было приказано не пускать в Инстербург никакие транспортные средства, так как город, по всей видимости, был оставлен Вермахтом. В результате они прибыли с большим опозданием только ночью. Большие пожары в это время полыхали в кинотеатре «Капитолий» (Гинденбургштрассе), на Вассергассе, а также на Густав-Линденаунштрассе. Русские подошли к Георгенбургу и принялись обстреливать город. На улице стало находиться опасно. Три пожарных автомобиля использовались главным образом на Гинденбургштрассе, но перед масштабными пожарами оказались бессильны. С другой стороны при сложившихся обстоятельствах нам была очевидна тщетность всех

прилагаемых усилий. В воскресенье, 21.01.45, в 15.00, мы получили от доктора Вандера окончательную отставку.”

Гинденбургштрассе 82а. В отчете упоминается как дом часовщика и ювелира Кейселя, а также Крюгера и Обербека. Ранее в нем размещался отель “Königliches Hof”.

Участковый лейтенант полиции Матзикейт так описывал эти часы:

“В субботу, 20.01., Инстербург подвергся обстрелу тяжелой артиллерии с востока. Альтер Маркт, Эрх-Кохштрассе (Кёнигсбергерштрассе), Зирштрассе, и дорога на Кёенигсберг особенно страдали от непрерывного огня. Вокзал и Почта получили тяжелые повреждения. Была налажена телефонная связь, а также прямая линия с главным полицейским управлением, сохранявшиеся до 23.30 часов. В водопроводных трубах оставалось еще немного воды, чтобы подавать ее на первые этажи зданий. Таким образом был предотвращен возникший очаг возгорания в доме Крюгера и Обербека (Krüger & Oberbeck), рядом с новой ратушей. В ночь с субботы на воскресенье члены местной организации ГО ведрами таскали воду для его тушения. Пожарные уже в субботу покинули город и успели прилично удалиться в юго-западном направлении.

Сирены воздушной тревоги были отменены после последнего крупного налета. На улицах не было ни души. Город горел в нескольких местах. Не было больше никого, кто мог бы его потушить. Улицы были усыпаны обломками зданий, балками, оборванными проводами. Повсюду были воронки от бомб и снарядов. Ночью город являл собой призрачную картину. Мы слышали лишь треск пламени и регулярные взрывы. Издалека отчетливо слышалась винтовочная и пулеметная стрельба.”

Рискованными были те часы, когда у нас в Инстербурге не было ни одного врача, ни в Вермахте, ни в фольксштурме, ни в Эвакуационной команде, ни в полиции. Господин Броесе (Dr. Otto Broese) был болен, и лишь санитарно-медицинская служба под руководством господина Нойманна осуществляла уход за многочисленными ранеными. Лишь после длительных телефонных переговоров с генералом медицинской службы, доктором Эхлебенем (Dr. Ehleben), находившимся в Кёнигсберге, к нам после полуночи прибыл врач, доктор Мюнх (Dr. Münch) из Тремпына (Новостроево). Обстрел, который поначалу был очень сильным постепенно немного стих и заново возобновился уже после рассвета.

Воскресенье, 21.01.1945, выдалось холодным и пасмурным, и для нас это было хорошо, так как всего лишь несколько вражеских самолетов было замечено в воздухе. Последний обоз, принадлежавший Городскому Хозяйству, в утренние часы отправился в сторону Хайлигенбайля. При обходе улиц было видно, что людей в городе не осталось. Возможно, что в подвалах и попрятались те одиночки, кто не желал добровольно покидать Инстербург, и ждал пришествия врага.

В первой половине дня на аэродроме были взорваны последние оставшиеся самолеты, принадлежавшие Люфтваффе. Последний комендант аэродрома, полковник фон Буссе (Joachim von Busse, 14.05.1893 – 21.01.1945), покончил жизнь самоубийством.

Между тем враг подошел к Вальдгартену (Waldgarten) и управлению Продовольственного снабжения на Тильзитерштрассе и помимо артиллерии стал обстреливать город из минометов.

Теперь, когда опасность нависла с востока и с севера, и нужно было готовиться к скорому прорыву врага в центр города, я решил покинуть Инстербург вместе с Эвакуационной командой во второй половине дня, 21 января, и поначалу отправиться в Шульценхоф (Зеленцово), который наметил в качестве места для ночевки.

Если следующим утром еще останется возможность попасть в город, то нужно будет попытаться вывезти все оставшееся продовольствие и другие припасы. Для этой цели начальник автопарка, господин Григолейт (Grigoleit), должен был оставаться с несколькими автомобилями в районе Йенихена (Свобода) на Норденбургском шоссе (часть ул. Победы южнее железной дороги). Полиция под командованием капитана Салевски и начальников участков оберлейтенантов Оттенберга и Шабловски была подчинена Вермахту. В соответствии со строжайшим приказом Гиммлера полиции дозволялось покидать свои посты только с боевыми частями. На месте оставались также небольшие подразделения фольксштурма, сосредоточившиеся в районе Альтхофа.

Оберлейтенант полиции Оттенберг так описывает последние часы: *“В воскресенье, 21 января 1945 года, русские в предполуденные часы достигли Георгенбурга, а во второй половине дня захватили конезавод Цвион (Доваторовка). С этого направления слышалась артиллерийская канонада. Драма Инстербурга быстро приближалась к своему апогею. Город, а особенно вокзал, находился под постоянным орудийным обстрелом. Второй полицейский участок, располагавшийся в «Дассауэр Хоф» не мог больше там находиться. Поэтому служащие этого района присоединились к своим товарищам из 1-го полицейского участка на Шприценштрассе. Все служебные инстанции города, в том числе и полиция, должны были подчиняться военному коменданту Инстербурга. Наше пребывание в городе было вопросом лишь нескольких часов. Около полудня полиция получила указание быть готовой к уходу и ожидала дальнейших распоряжений от коменданта. Прошло еще несколько часов. Сражение к северу от города становилось все более ожесточенным. Казалось, что русские хотят обойти город.*

Те, кто хотел покинуть город, уже сделали это. Русские, должно быть, удивятся тому, что никого не осталось. Планы бургомистра в этом отношении можно было считать выполненными.

Иногда поступали сообщения, что некоторые граждане, особенно преклонного возраста, не желая покидать родные дома, предпочли покончить жизнь самоубийством. Но полиция уже не могла расследовать подобные дела. После полудня я повстречал только одну женщину на Обермюленштрассе (северо-западная часть ул. Садовая) и пожилую пару на Шприценштрассе. Эта женщина, как я помню, все еще пребывала в сомнениях, стоит ли ей покидать

город. Она, кажется, жила в доме, принадлежавшем фирме Гебауэр и Кляйнке (Gebauer & Kleinke). Престарелая пара проживала на Шприценштрассе, рядом с Мюленштрассе. Они решили остаться. Их имена мне не известны.

Когда кто-то говорит, что русских нельзя было уже ничем удивить, тот не служил в полиции. Наши полицейские едва смогли ускользнуть из города, и, пожалуй, стоит кое-что о них поведать.

Сразу хочу сказать, что полиция тогда уже не была такой как в мирное время. Около 75% активных ее членов находилось за границей. То есть они были задействованы в полицейских формированиях на фронте или в районах боевых действий. На их место были призваны резервисты. Речь при этом шла о мужчинах из различных профессиональных групп, призванных на службу после проверки на пригодность. Они не имели какой-либо полицейской подготовки и привлекались, время от времени, для службы в полицейских участках или других местах под руководством опытных сотрудников. Было удивительно, насколько быстро эти люди осваивались на службе в полиции, так что вскоре могли целиком исполнять полицейские функции даже без помощи кадровых служащих. Поэтому когда члены Гражданской обороны стали привлекаться к полицейской службе, то городская стража продолжала исполнять свои полицейские обязанности. Кроме того, там были задействованы и люди свободных профессий. Они не носили униформы и отличались от остальных только нарукавными повязками. Я бы хотел подчеркнуть, что они были очень храбрыми людьми, прилагавшими все свои силы для выполнения возложенных на них обязанностей. Я храню о них память и они достойны занять место в истории Инстербургской полиции.

Как уже упоминалось, полицейские обоих участков собрались на Шприценштрассе и были готовы уходить. Комендантом города был армейский генерал-майор. Его распоряжения должны были поступать в 16.00, затем в 18.00, а затем не позднее 20.00. Однако они не поступили и в 22.00. Обстрел усиливался, поэтому нам приходилось практически все время оставаться в укрытиях. Телефонной связи с нашим командным пунктом на Форхештрассе больше не существовало. Двое связных, которые должны были принести нам хоть какие-то сведения и отправленные туда в 20.00, не вернулись. В 21.30 еще двое добровольцев ушедших в том же направлении также пропали.”

О том, что происходило в это время в ратуше на Форхештрассе, сообщает участковый оберлейтенант Матзикейт.

“Около 23.00 сотрудники полиции, находившиеся в Ратуше, были встревожены. Русские вступали в город с двух направлений, от моста через Ангерапп и со стороны Лютеркирхи. Полицейский участок на Шприценштрассе, обращенный тыльной стороной к Замковому озеру, оказался под обстрелом. Находившиеся там полицейские покинули город по Иммельманштрассе в направлении Дидлакена (Тельманово). Военный комендант и его штаб покинули город внезапно, не предупредив полицейского офицера связи. Теперь и нам нужно было уезжать. Управление полиции порядка в Кёнигсберге было поставлено в известность еще до того, как исправная телефонная линия была уничтожена.

Мы попытались выехать из города по Зириштрассе. По Альтер Маркт велся пулеметный и минометный огонь со стороны Белильного поля (ныне городской парк) за Лютеркирхой. Мы пересекли ее бегом. Пройдя по Шприценштрассе и Кёнигсбергерштрассе попробовали пересечь мост в конце последней из этих улиц. Там мы были встречены плотным огнем пехоты противника со стороны набережной Замкового озера. Повернув назад прошли по Обермюленштрассе, Нойер Маркт, и Фридрихштрассе, до Туннельштрассе. За все это время мы не увидели на улицах никаких немецких войск. Как мы позже узнали, войска были выведены через Туннель/Кляйнбанштрассе. На Нойер Маркт мы повстречали двух раненых немецких солдат, которые ничего не знали об этом. Они присоединились к нам.

В Туннеле мы были остановлены немецкой поисковой группой. Здесь собрались остатки войск, желавшие предпринять контратаку. Мы обязаны были поддержать их. Но поскольку не имели необходимого снаряжения для этого, то вынуждены были уйти.

Наш путь пролегал по грунтовой дороге мимо аэродрома, который находился под сильным обстрелом. Ночь была очень холодной, шел снег, повсюду были заносы. На дорогах был гололед. О передвижении на машинах не могло быть и речи, так как их приходилось постоянно толкать. Путешествие протекало молча. Мы были сильно подавлены — мы убегали. Наша надежда таяла. У всех на глазах стояли слезы.

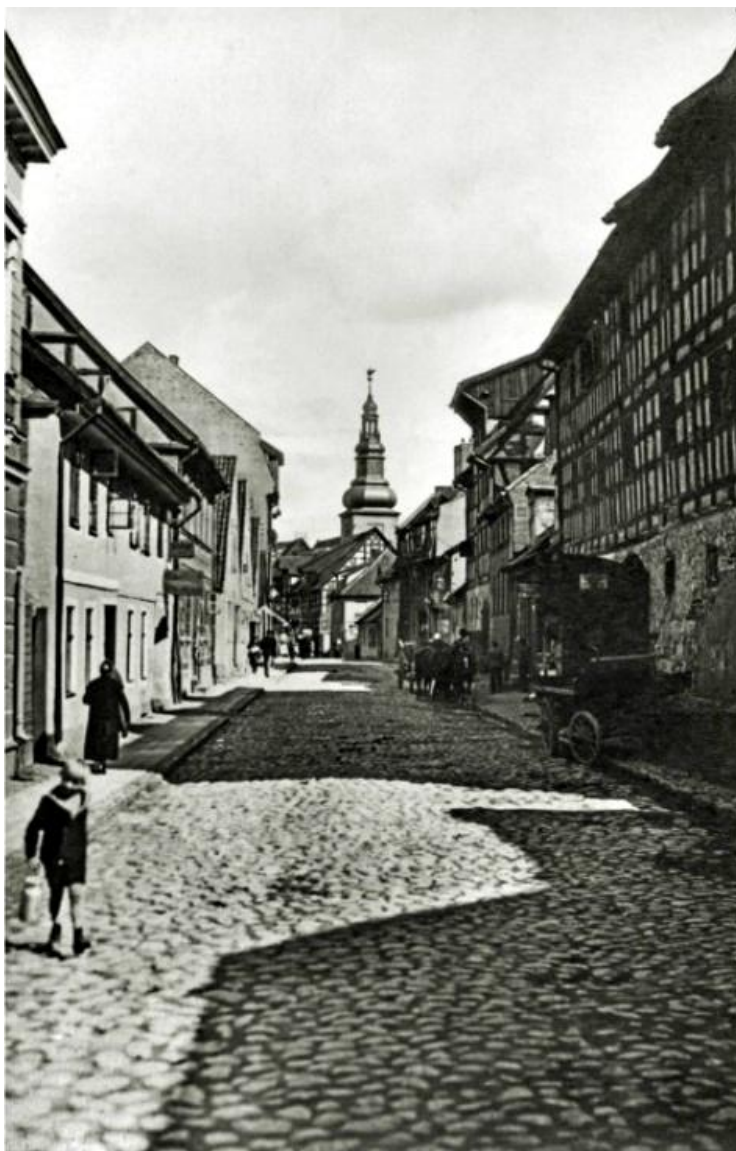
Справа от нас горела деревня Нойендорф (Загородное). Дорога на Кёнигсберг уже была заблокирована русскими.

Мы решили двигаться в направлении Гердауэна. Неожиданно спереди раздался крик: «Танки справа!» Возник тревожный вопрос — немецкие или русские? Через минуту он разрешился. Это были немецкие танки. Черные кресты отчетливо выделялись на фоне ясной и снежной ночи. Мы вздохнули с облегчением и продолжили наш путь в сторону Йенихена. Там мы нашли всех наших товарищей. Даже два последних подтянулись. Это были оберлейтенант Оттенберг и полицейский Ленуweit (Franz Lenuweit). Они покинули город примерно в 0.30. Теперь мы были вместе.»

О событиях на Шприценштрассе сообщает оберлейтенант полиции Оттенберг:

“В 22.30 мы вдруг услышали в городе пулеметную стрельбу. Все столпились у дверей. Когда мы стояли у входа в 1-й полицейский участок, на Альтер Маркт стали раздаваться выстрелы, похожие на пушечные. Мы предположили, что это были фаустпатроны. Трассирующие пули, мелькавшие через Замковое озеро, били по Тейхгассе в районе бывшего молокозавода Брандстадера. Мы оказались в ловушке. Со стороны замка и Театрштрассе (ул. Толстого) раздавалась сильная пулеметная стрельба.

Спасение казалось возможным только по Шприценштрассе в сторону молокозавода Брандстадера (Brandstädter), и полицейские, запрыгнув на свои навьюченные велосипеды, стали уезжать. Нашим первым пунктом назначения был Йенихен.

Район Шприценштрассе, где располагался

1 полицейский участок

В то время как мои товарищи двинулись прочь, я попытался добраться до командного пункта на Форхештрассе, потому что был ответственен за руководство полицией. На перекрестке Кёнигсбергерштрассе (у кафе Мельница) мне попались три солдата, которые шли с фаустпатронами от Альтер Маркт. Я пытался выяснить у этих вояк о сложившемся положении. От них я узнал, что русские при помощи минометов или пехотных орудий стали обстреливать Альтер Маркт со стороны Радужного моста, что находился за Лютеркирхой.

Гинденбургштрассе после штурма города

Другое русское подразделение захватило старый замок. Из-за того, что мост на Кёнигсбергерштрассе находился под пулеметным огнем (трассирующим), а также, как было уже сказано, через Тейхгассе обстреливалась Шприценштрассе, то пришлось сделать вывод, что русская штурмовая группа в это время находилась неподалеку от той части Шприценштрассе, что примыкала к Запковому озеру. Между тем, артиллерийский обстрел на Альтер Маркт стих, тогда как усилился огонь из стрелкового оружия со стороны замка и Театрштрассе.

На выезде из города в направлении Зирштрассе был виден огромный пожар. По моему мнению, это горела столярная мастерская Рекзе (Reckzeh) или Шешонка (Scheschonka).

С того же самого направления слышался пулеметный огонь. Должно быть русские уже перекрыли дорогу на Кёнигсберг.

Город горел в нескольких местах. Солдаты, наконец, сообщили, что местом их сбора является Нойендорф и двинулись дальше. Кроме этих трех солдат я больше в том районе никого не видел.

Гинденбургштрассе после штурма города

Было около 23.00. Мой велосипед с вещами все еще находился перед 1-м полицейским участком. Здесь необходимо упомянуть о том, о чем я узнал позже. За последние полчаса на командном пункте, на Форхештрассе, получили известие, что полицейские на Шприценштрассе подверглись нападению. Туда был отправлен разведывательный патруль, который установил, что полицейские уже ушли. После этого командный пункт был оставлен. Таким образом, связь с ним была невозможна, и позже я нашел его покинутым.

Однако в тот момент я, еще намереваясь наладить связь с командным пунктом, пытался найти кого-нибудь из своих уехавших товарищей, так как на душе у меня становилось все более жутко. Я полагал, что они двинулись по Цигельштрассе и потому пошел в том направлении. На самом деле они проехали через Обермюленштрассе, Нойер Маркт, Паркинг, и Туннельштрассе.

Когда я подошел к железнодорожному переезду на Цигельштрассе, то увидел там противотанковые орудия. После того, как я попытался здесь выяснить ситуацию, то встретил своего товарища Ленувейта. Мы очень обрадовались нашей встрече. От него я узнал, что командный пункт и комендант покинули город. Также он сообщил, что все наши товарищи ушли в направлении Йенихена. Услышав это, я немного успокоился. Ленувейт сказал, что его велосипед с багажом все еще находится в командном пункте на Форхештрассе. Мои вещи также все еще находились на Шприценштрассе. Мы решили все это забрать.

Между тем началась очень сильная пулеметная стрельба на Герихтсштрассе, около здания районного суда (более известного как Гестапо).

Мы более не могли проследовать по маршруту Цигельштрассе-Кёнигсбергерштрассе. Поэтому мы прошли от памятника Германии через Долину Стрелков, поднялись по крутой лестнице к саду Рёпке, пересекли Нойер Маркт, и дошли до Форхештрассе, так и не встретив ни одного человека. В командном пункте все еще горела сальная свеча в 5 сантиметров длиной. Ленувейт же нашел свой велосипед с багажом, чему оказался очень обрадован.

Добраться до моих вещей на Шприценштрассе было гораздо более опасной затеей. Я попробовал это сделать и у меня получилось. Ленувейт ждал меня на углу Вильгельмштрассе-Форхештрассе, у дома Шмидта (Вильгельмштрассе 36-37), пока я не вернулся с велосипедом и багажом. Пройдя через Генеральштрассе, Альтер Маркт, и Шприценштрассе, я не встретил ни одного человека. Лишь со стороны старого замка и Театрштрассе раздавалась ожесточенная пулеметная стрельба. Более ничто не мешало нашему отъезду. Было 22 января, полпервого ночи, когда мы покатали наши велосипеды по Вильгельмштрассе, Маркграфенплац, Туннельштрассе, Кляйнбанштрассе, Иммельманнштрассе в направлении

Йенихена. На улицах снега лежало мало, а термометр показывал от 10 до 15 градусов ниже нуля.

Кажется мы были последними покинувшими город инстербуржцами. На Иммельманнштрассе над нами летали снаряды, падая и взрываясь на аэродроме. Русские в это время только-только заняли северный район по линии Зирштрассе, Кёнигсбергерштрассе, Альтер Маркт. Южная часть города еще не попала к ним в руки.”

Зубной техник Бруно Гейнрих (Bruno Heinrich) рассказывает о последнем сражении инстербургского фольксштурма:

“В 20.00 вражеская артиллерия начала обстрел города. Орудия располагались на холме за Белильным полем. Мы стояли у входа в замок и лицезрели печальную картину. Русские использовали трассирующие боеприпасы и поэтому мы могли наблюдать за их полетом. Большая их часть падала на Зирштрассе и Норденбургерштрассе.

Два немецких штурмовых орудия были подняты на возвышенность подле памятника Уланам и открыли ответный огонь.

События стали быстро сменять друг друга.

Внезапно стрельба прекратилась с обеих сторон.

Воцарилась зловещая тишина.

Комендант города созвал связных, которые должны были передать всем сообщение – “Отходите на юг”. Шнеппат (Schneppat) и я сразу сели на велосипеды и поехали в сторону Альтхофа. К счастью дорога была свободна, и мы быстро доехали до виллы Брандеса.

За садовой изгородью, чем-то укрытые, сидели несколько фигур. Они нам что-то кричали, но мы не понимали их. “Что вы хотите?” закричал я. Крик повторился, и я вдруг понял - это была русская речь! Я толкнул своего товарища (он был слабослышащий). Назад! Это русские! И тут же пришло подтверждение этому: раздались очереди из русских автоматов. Искры от пуль водопадом посыпались с кирпичных стен школы автовождения и верховой езды (Уланские казармы). Так быстро, как в тот раз, мы никогда не ездили на велосипеде. Русская штурмовая группа, вероятно, была столь же

озадачена, как и мы, иначе противник не промахнулся бы с такого короткого расстояния, даже по движущейся цели.

Тихая и печальная колонна двигалась в сторону Швальбенталь (Володаровка). Пехота, фольксштурм, тяжелая артиллерия. Никто не говорил ни слова, и казалось, будто все онемели. В 4.30 мы, смертельно уставшие, прибыли в Швальбенталь. В Йенихене мы снова встретились со своими товарищами, как уже говорилось в докладе оберлейтенанта Оттенберга. Впереди нас ждали бесконечные дневные переходы. Мы оставляли за собой нашу любимую родину, направляясь в неизвестность.”

О том, что происходило с группой инстербуржцев после выхода из города, сообщается следующее:

Многочисленные горожане, не решившиеся уезжать с находившегося под обстрелом вокзала, решились идти пешком до Вальдхаузена (Пастухово). К полудню, 21 января, там собралось около 1700 человек. К сожалению там не было никого, кто отвечал за эвакуацию. Туда в спешке были отправлены учитель средней школы Нётцель и учитель Альбат. Благодаря их вмешательству уже в 14.00 поезд из Кёнигсберга прибыл в Вальдхаузен и забрал половину собравшихся женщин и детей.

Второй поезд должен был прибыть через час. Но проходило время, а его все не было. Хотя господин Нётцель прилагал всевозможные усилия, поезд в Вальдхаузен из Кёнигсберга больше так и не приходил.

Наступила морозная ночь.

Армейский фельдфебель приказал взорвать мосты, так как те уже находились под русским пулеметным обстрелом. Что бы произошло тогда с женщинами и детьми? Господин Нётцель неоднократно просил об отсрочке взрыва моста, но поезд все равно так и не пришел. Русские уже форсировали Прегель. Люди терпеливо ждали на платформе, не подозревая о масштабах надвигающейся угрозы. Капитан артиллерии отдал приказ занимать позиции и потребовал освободить вокзал. В кабинете начальника станции господин Нётцель снова вел переговоры с Кёнигсбергом. Он просил, умолял, ругался, и снова просил. Наконец в полночь к вокзалу подошел длинный поезд, который был сразу подвергнут настоящему штурму. Тем временем появилось множество военнопленных с большим количеством личных вещей, захвативших для себя и своего багажа лучшие места. Для урегулирования ситуации потребовалась

помощь фольксштурма. Только когда господин Нётцель объявил, что поезд отправляется, и последняя женщина устроилась в проходе, все успокоились. 22 января, примерно в 1.00 ночи, поезд покинул станцию.

За исключением господ Нётцеля и Альбата, не имевших приказа на отъезд, никто не отстал и не забыл своих вещей. Они с чувством гордости наблюдали за отходом последнего поезда, так как смогли дать инстербуржцам последний шанс уехать, после чего побрели по заснеженному лесу в Шульценхоф. Русские танки были уже возле Норкиттена. Когда они пришли в Шульценхоф, последние части Вермахта уже покидали деревню, и им пришлось направиться в Йенихен.

С холма им предстала страшная картина горящего и гибнущего города. Эвакуационная команда более не могла продолжать свою работу и в утренние часы 22 января покинула вместе со мной Шульценхоф, поскольку деревне также угрожала опасность. К тому же советские войска переправились через Прегель и ночью были около Норкиттена. Я хотел пройти через Алленбург (Дружба) в Морунген, куда была переведена большая часть городской администрации. Однако во вторник 23 января Морунген был захвачен врагом. Путь на Эльбинг перекрывали советские танки. Большая часть эвакуационной команды Инстербурга собралась в Браунсберге (Бранево), откуда по льду замерзшего залива и косе добралась до Данцига.

Большинство мужчин, женщин и детей из нашего родного города живы по сей день. Инстербург является одним из немногих городов Восточной Германии – некоторые говорят, что единственным – который продолжал жить вплоть до вражеского пришествия. В нем оставалось более 1000 мужчин и женщин, которые спокойно и по плану уехали, несмотря на вражеское противодействие. Все своевременно смогли покинуть город. Но, несмотря на все усилия, некоторые были захвачены врагом в Кёнигсберге, Морунгене, Хайлигенбайле, и других местах, и имели тяжелую судьбу или погибли. Всякий раз, когда мы тоскуем по нашей родине, в нас просыпается желание вернуться туда.

Из Хлебопекарни в Фольксштurm

(Vom Backofen zum Volkssturm)

Георг Хеннинг

Перевод с немецкого Евгения А. Стюарта

2015

В архиве записей от 1952 года я недавно обнаружил рукописный отчет пекаря Георга Хеннинга о последних днях, проведенных в нашем родном городе и практически хаотическом положении фольксшутрма. Он пишет:

“Хочу сразу упомянуть о том, что на протяжении нескольких последних недель (до января 1945 года) у меня был контракт на поставку хлеба фольксштурму Инстербурга. Однако счет за это, в размере 10000 рейхсмарок, не оплачен до сих пор. В последние дни я получал от распорядителя Кранчковского из общественного дома (Городской зал) неоднократные просьбы произвести столь много хлеба, как только возможно. В результате у меня на складе накопилось 2500 буханок по 4 фунта весом каждая, которые так и не были востребованы.

В субботу, 20 января 1945 года, мы пережили бомбежку, которая, однако, не причинила серьезного ущерба. В 14 часов была объявлена всеобщая эвакуация. В последующие годы я часто переживал, думая о брошенных массах хлеба. Хлебопекарня была закрыта, а я призван в фольксштурм и прикреплен к 10-му батальону, в чью задачу входила защита Альтхофа. В наши обязанности входила охрана и патрулирование местности до реки Инстер. Размещались же мы в прилегающих усадьбах.

Вой голодного и брошенного скота со стороны Георгенбурга был хорошо слышен в Альтхофе и поэтому небольшой группе поручили переправиться на велосипедах на другую сторону реки Инстер и снабдить его фуражом. С этим они справились полностью. Батальонная группа, занявшая мельницу Брауншвейга, во время патрулирования вошла в соприкосновение с противником у Газового завода. Фольксштурмовцев, тем не менее, пришлось отозвать, так как их карабины Бадольо (прозвище карабинов итальянского производства Carcano, названные так в честь маршала Бадольо) не работали.

Вечером 21 января город был обстрелян вражеской артиллерией со стороны Скайсгиррена (Большаково) и Краупишкена (Ульяново). Все снаряды ушли в сторону вокзала.

Тем временем небольшая группа пехоты прибыла на нашу усадьбу. Они установили противотанковую пушку на дороге, ведущей из Альтхофа к Газовому заводу. Грунтовая дорога, ведущая от усадьбы к шоссе на Кёнигсберг также была блокирована пехотой. Поскольку Вермахт теперь взял на себя оборону Альтхофа, мы должны были отойти. Но прежде чем мы успели это сделать, огромный столб огня взвился в небо со стороны аэродрома. Он был

настолько ярким, что в усадьбе стало светло как днем. Позднее мы узнали, что это были подожжены склады с горючим.

Insterburger Lehrlinge und Mittelschüler (Durchschnitt: 16 Jahre) als Flak-Bedienung. Sie waren zunächst in Althof/Insterburg eingesetzt, wurden dann nach Marienburg und schließlich nach Danzig-Langfuhr verlegt. Wer erkennt sich auf dem Bild wieder? Helmut Hinz, Hochstraße 19a, 1000 Berlin 65, möchte mit ihnen ein Treffen vereinbaren.

Инстербургские школьники (в среднем им по 16 лет) в качестве обслуживающего персонала зенитного орудия. Вначале они были задействованы в Альтхофе, после чего переправлены в Мариенбург, а затем в Лангфюр (пригород Данцига).

Шоссе на Кёнигсберг, по которому мы должны были отступать, уже находилось под вражеским обстрелом. Дабы избежать ненужных потерь командир нашего батальона, ехавший впереди на легковой машине, повернул в сторону Маттенау (Угрюмово). После долгого перехода мы добрались до леса. Здесь наш командир потерял всякую ориентацию. Периодически мы двигались по проселочным дорогам в лесной чаще, пока не упирались в тупик. Тогда следовала команда «Назад!». Пожилые люди, тяжело пыхтя, несли свой багаж, поскольку мало у кого еще оставались велосипеды. Но все же, наконец, мы добрались до Маттенау. К нашему удивлению мы обнаружили на вокзале поезд, который доставил нас лишь до следующей станции. Там было объявлено, «Всем сойти! Поезд дальше не идет!».

Мы фактически были освобождены от обязанностей перед фольксштурмом, но не имели на руках соответствующих документов. Нам сказали, что мы должны найти свои семьи, а затем сообщить о своем местонахождении в отделение фольксштурма в Пройсши Холланде (польский Пасленк).

Отсутствие официального документа впоследствии оказалось для меня почти фатальным. С нарукавной повязкой фольксштурма и карабином меня можно было принять за дезертира. Поэтому, на всякий случай, я сдал повязку и оружие в ближайшую комендатуру Вермахта под расписку.

Попавшие в плен 22 января 1945 года члены фольксштурма Инстербурга (Из книги - *Berlin: Downfall 1945*)

Поскольку мы с приятелем были на велосипедах, то планировали на второй день сесть на какой-нибудь поезд. Но к моему несчастью мой велосипед переехал военный грузовик и я вынужден был снова превратиться в пешехода. После многодневного перехода по Фришскому заливу и косе я наконец оказался в 6 километрах от Готенхафена (польская Гдыня). Неожиданно, из-за толстого дерева, росшего вдоль дороги, прямо передо мной выскочил полицейский и потребовал мои документы. При мне было только удостоверение личности, которого ему оказалось недостаточно, и я оказался вынужден проследовать с ним в полицейский участок. Как я узнал от других друзей по несчастью, уже на протяжении нескольких дней, подобным образом

было «подобрано на дороге» уже множество мужчин. До 10 февраля набралось порядка 100 «подобренных». Под охраной полиции — 2 полицейских во главе, а 2 полицейских в хвосте колонны — с заряженными винтовками, нас привели в Готенхафен. В то время, еще многочисленное население города, с ужасом наблюдало за нами, принимая за банду опасных преступников.

В Готенхафене нас снова включили в состав фольксштурма и мы до самого конца (войны) участвовали в тяжелых сражениях.

То, что было дальше, каждый житель Инстербурга познал на собственном опыте. Я смог, в некоторой степени, пережить все это.”

Последние...

(Die Letzten...)

Отто Хаген

Перевод с немецкого Евгения А. Стюарта

2015

На рубеже 1944/45 гг. наш беспокойный и шумный город стал очень тихим. Только одна десятая населения оставалась в городе.

В канун Нового года каждый чувствовал, что нужно объединиться перед катастрофой и находить друзей, как старых, так и новых.

Я был в гостях у друзей на Казерненштрассе (ул. Гагарина) и в первом часу Нового года возвращался в свою квартиру в Альтхофе. Я ощущал весь ужас сложившейся ситуации. Там, где в мирное время Новый год отмечался громко и весело, теперь стояла мертвая тишина. Темными и пустыми были фасады домов на Гинденбургштрассе и Альтер Маркт. Ни звука, ни света, ни смеха – у меня было неприятное ощущение, что я единственный человек в этом темном мире.

Следующие несколько дней прошли без каких-либо “особых” событий, кроме небольших и внезапных атак с воздуха, к которым мы привыкли. У городских служб, работавших день и ночь, в последнее время было много забот. Но сил было крайне мало. В частности, Департаменту Социального Обеспечения и Питания приходилось отвечать на шквал вопросов, поскольку множество эвакуированных жителей остались без необходимых “листок убытия” и испытывали на местах трудности с продовольственными карточками и материальным довольствием. Многие инстербуржцы вернулись назад, потому что стало “так спокойно”.

Самое тяжелое бремя в этот период легло на плечи доктора Вандера (бургомистра), который должен был соблюсти все договоренности и нести ответственность перед руководством района и “Комиссаром обороны Рейха”. Повсюду висели гигантского размера плакаты гауляйтера, призывавшие население бороться с врагом до последнего человека и погибнуть под руинами своих домов. Результатом стало то, что сотни тысяч жителей Восточной Пруссии, из-за не проведенной эвакуации, потеряли свои жизни, а “дорогой” гауляйтер сохранил свою. Утром 13 января меня разбудил непрерывный гул. Потребовалось время, пока я не понял, что это был рев тяжелой артиллерии с фронта. В большой спешке я поспешил в ратушу, а оттуда в свой отдел на Луизенштрассе. Странно, но поначалу мы решили, что наша армия предприняла крупное наступление. Наше смятение усилилось, когда примерно через час мы узнали, что это русские решили нанести решающий удар.

Хотя в этот день на переднем крае образовалось несколько крупных брешей, наша армия, усиленная храбрым фольксштурмом, сумела сдержать противника на несколько дней.

Но 18 января русские танки прорвали оборону, так что наш город оказался в опасности. В этот же день началась эвакуация оставшихся жителей. Поезда отправлялись на запад. Также было достаточное количество автомобилей и автобусов. К утру 19 января население покинуло город, в том числе должностные лица и государственные служащие. Им было предписано встать на учет в районе Морунген (Вост. Пруссия), где уже существовали некоторые отделения нашего города.

В городе оставались: подразделение полиции и пожарных, а также “Эвакуационная команда” во главе с доктором Вандером, к которой я принадлежал. Всего около 25 человек.

На первом этаже ратуши на Форхештрассе, где провели ночь, мы расположились по-домашнему. Мы надеялись, что сможем остаться в городе еще некоторое время, пока из других городов подоспеет подмога. Первая половина дня 20 января началась с очень сильного авианалета. Мы едва добежали до подвала, когда на дома и здания стали падать бомбы. Лишь спустя несколько тревожных часов мы смогли покинуть убежище и увидеть причиненные бедствия. Наверху мы обнаружили настоящее опустошение, а стоявшие напротив дома подверглись значительной степени разрушения, в основном от осколочно-фугасных бомб.

Но даже тогда мы все еще считали, что город продержится еще несколько дней.

В качестве последнего прибежища оставались подвальные помещения, где с начала января размещалась служба воздушного предупреждения. К этому времени все коммерческие учреждения были закрыты, а техника – где только возможно – демонтирована и увезена.

Мы, “последние Инстербуржцы”, были обеспечены пропитанием, так как директор молочного хозяйства Доу снабдил нас большим количеством масла и сыра, а мастер-пекарь хлебом и популярными штрейзелями (нем. сладкий пирог) с изюмом. Но нам так долго не доставало радости, что мы не смогли оценить это по достоинству.

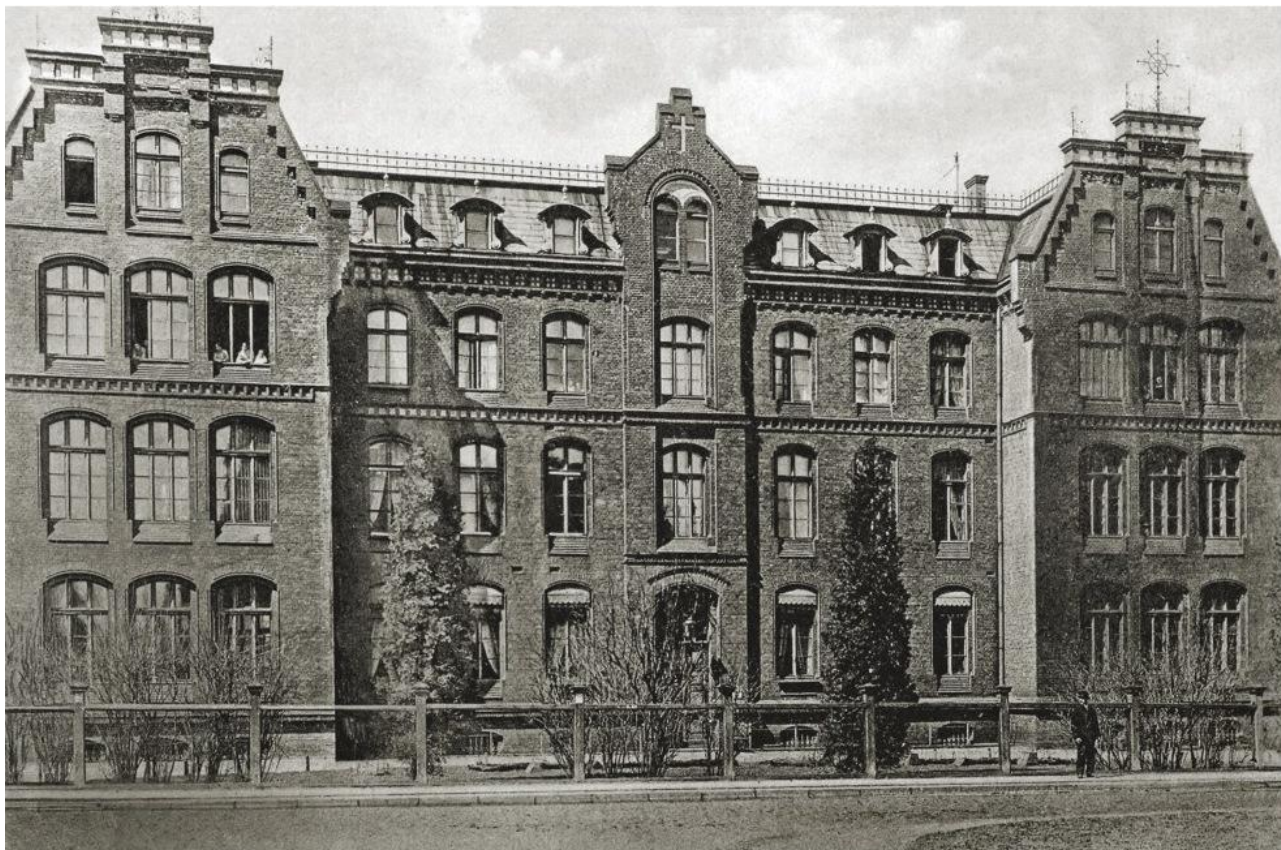
Ликвидируя последствия налета, последние гражданские лица, оставшиеся в городе, вероятно поняли, что времени у них почти не осталось. Они еще имели возможность покинуть город с последним составом.

К вечеру стало немного поспокойнее. На небе расцвела яркая луна, и я решил – беспричинно – снова нанести визит в свой отдаленный дом в Альтхофе. Я не вошел внутрь, но побродил вокруг и постоял, думая о том месте, где мы и наши соседи могли бы быть счастливы. Небо на востоке отсвечивало малиновым светом горящих деревень. Медленно я направился в дом своих родителей на Зирштрассе. Впрочем там также все было темным, пустынным, закрытым. Пошел снег. Большие снежинки падали медленно и тихо, укрывая мягко и нежно землю.

Дойдя до Форхештрассе, я обнаружил, что наше количество обреченных увеличилось: командир Гитлер Югенда собрал отряд мальчиков в возрасте от 14 до 15 лет. Как сказал командир, они хотели послужить в качестве посыльных.

Поздно вечером снова произошел воздушный налет, но на этот раз нас забрасывали бомбами с зажигательной смесью. Некоторые дома на Форхе и Гинденбургштрассе, а также старый дом напротив ратуши, были подожжены. Поскольку было безветренно, а с неба падал мокрый снег, сильного пожара не случилось.

Доктор Вандер был неутомим и, помимо прочего, старался разработать эффективный план действий. Он практически ничего не ел днем. Только когда я сказал, чтобы с чашкой чая ему принесли кусок пирога, он вспомнил о голоде. В полночь отряд мальчиков был послан к военному коменданту города в здание на Беловштрассе, чтобы узнать новости с фронта. Но в их глазах сквозил неприкрытый страх перед грядущим, и они стеснялись попросить позволить им добровольно уйти. Храброму командиру Гитлер Югенда несмотря на его проклятья, не достало мужества пойти самому. Поэтому я и мой коллега Нигиш (Rudolf Niegisch) вызвались сами отправиться по медленно умирающей Гинденбургштрассе, жутким образом озаренной пламенем пожаров. Санитары бегали взад и вперед по подвалу, комендант и офицеры его штаба стояли, склонившись над картой с флажками, указывавшими на постоянно меняющуюся линию фронта. Было очевидно, что Советы неумолимо приближаются к городу.

Беловштрассе 5. Ранее в этом здании находилась городская больница. После того, как она переехала в другое здание, здесь находилась комендатура. Здесь же размещал свой штаб и последний комендант Инстербурга генерал-майор Карл Дормаген.

Когда, через несколько часов, мы вернулись с подробным докладом, то уже знали, что на следующее утро можно было ожидать обстрела города. С тех пор большинство участников этих событий скончались. Командир Гитлер Югенда сидел в углу и тихо ругался на некоторых известных партийных руководителей, которые в темноте этой ночи находились в безопасности. Утром стало ясно, что некоторые люди из нашей “Эвакуационной команды” отсутствуют.

Утром вместе с Нигишем мы отправились к Старой Ратуше и Альтер Маркт, чтобы оценить разрушения, причиненные прошедшей ночью. Начался ожидаемый обстрел города. Он продолжался с определенными временными интервалами. Улицы были завалены мусором. В знаменитый Rotschimmelgespann мясника Беринга, что на Кёнигсбергерштрассе, попала бомба. Если при этом и погибли люди, то мы не смогли их найти. С оглушительным грохотом мимо нас вперед проехали от 8 до 10 танков типа “Королевский Тигр”. Но вскоре им пришлось вернуться из-за нехватки топлива. Это было явным признаком отсутствия всякого планирования: нехватка топлива для нашей техники была следствием того, что в пределах

нескольких километров оно было уничтожено, дабы предотвратить его попадание во вражеские руки.

Когда мы шли назад по нижней части Гинденбургштрассе, то встретили несколько подразделений солдат в зимнем камуфляже, спешивших с взрывчаткой и средствами для ближнего боя к мосту через Ангерапп. У них, видимо, был приказ заминировать и заблокировать дорогу. Шум боя усилился, особенно когда Сталинские органы (Катюши) затеяли жуткий концерт.

Не было уже никаких сомнений в том, что Эвакуационный штаб должен был покинуть город в течение нескольких часов.

Для нас был приготовлен последний ужин в столовой ратуши. Подавали свиную рульку с квашенной капустой, а на десерт клубнику. «Неплохое» (в смысле странное) сочетание, учитывая, что нам еще предстоял долгий путь. Это был не тот случай, когда можно было-бы пострадать от последствий последнего ужина в Инстербурге.

Небольшой грузовик был загружен продуктами питания и багажом. В нашем распоряжении также было еще 4 или 5 машин.

В ранних сумерках мы поочередно покинули город по маршруту Форхе, Гартен, Туннель, Кляйнбан, и Норденбургштрассе. Обстрел прекратился. С неба падал легкий мокрый снег на фоне тускло-красного вечернего неба за силуэтами Инстербурга — так мы прощались с нашим родным городом. Мы знали, что короткая финальная битва за наш город не оставит нам никакой надежды.

Я оглядывался снова и снова, пока все позади меня не растворилось в туманной дымке. Горькое чувство охватило меня, а в голове возник мучительный вопрос, увижу ли я родной город еще раз. То, что произошло с нами в следующие несколько дней, фактически не имеет отношения к теме, но я кратко обрисую наш путь.

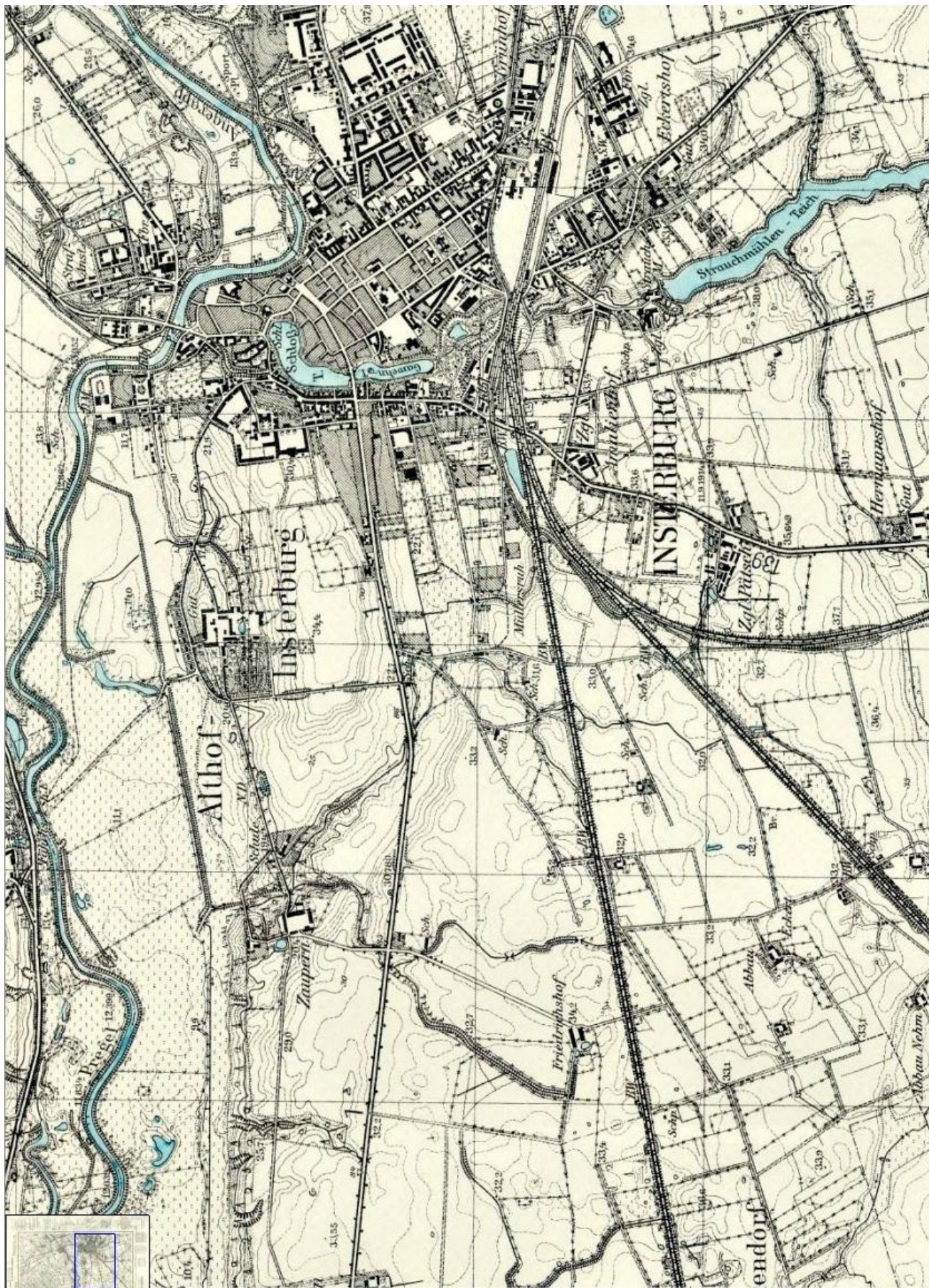
Тем же вечером мы прибыли в Шульцендорф. Побыв там некоторое время, мы, после короткого отдыха и вывода населения из деревни, оказались вынуждены двигаться дальше, потому что наша тяжелая артиллерия развернула там свои позиции. Наши автомобили вскоре попали в бесконечный поток беженцев и всякая взаимосвязь была потеряна. Еще до следующего

вечера мы добрались до Дойч-Вилтена (пос. Ермаково), в окрестностях Фридланда. Здесь нам представилась возможность провести спокойную ночь. На следующий день, после того как наша маленькая группа потеряла несколько людей, доктор Вандер, Нигиш, и я попытались добраться до цели нашего путешествия, района приписки - Морунген. Пришлось, однако, признать, что всякая связь с остальными после этого была исключена. Наш верный водитель Кирстейн (August Kirstein) еще до наступления вечера привез нас троих в Мюльхаузен (Гвардейское). А вот двигатель нашей машины не выдержал. Кирстейн попытался отремонтировать его в мастерской. Мы же трое, между тем, искали отель, чтобы узнать хоть какие-то новости. Там мы нашли бесчисленное множество беженцев и солдат. В них царила грусть и печаль. Они проклинали, молились и... беспробудно пили. Во дворе управляющий отелем зарезал свинью. Еще одна бойня. Будучи крайне переутомлены мы нашли какой-то стол и уснули. Проснулись мы неожиданно от известия, что вражеские танки приближаются к Мюльхаузену. К счастью Кирстейну удалось починить машину. Через два километра двигатель снова сломался. Кирстейн повозился с ним и тот опять заработал. Остановившись у одного стрелочника на маленькой станции Курау (кажется так она называлась), мы хотели прежде всего поспать. Но вскоре стрелочник разбудил нас новостью, что Мюльхаузен взят Советами. Снаружи со всех сторон стоял сильный шум. Мы снова двинулись в путь. Наш двигатель в очередной раз умер. Отряд безоружных солдат решил захватить нашу машину, но так как они не смогли привести ее в движение, то ушли с проклятиями прочь. Мы выбросили все наши пожитки, оставив при себе только чемоданы и пришли к тому мнению, что ситуация безвыходная. Несмотря на наши уговоры пойти с нами, Кирстейн остался с машиной, желая во что бы то ни стало починить ее. Через некоторое время он действительно догнал нас на ней. Это было практически чудом, что двигатель не подвел нас во второй половине дня и довез нас до Браунсберга. Город оказался переполнен беженцами. Среди них мы нашли некоторых представителей администрации нашего города. После того, как мы отдохнули несколько дней, то предприняли опасный путь через залив. Путешествие прошло гладко. Мы боялись обстрела и старались обращать больше внимания на направление в сторону Пиллау. Вскоре мы добрались до косы (Балтийская коса). На этом я заканчиваю свой доклад, хотя на последнем отрезке пути до Калберга, в Данциге, в снег и мороз — без машины, которой с

нами уже не было — мы многое испытали и наблюдали множество драматических сцен.

С тех пор прошло уже двадцать лет. Раны, связанные с разлукой с родным домом, до конца не затянулись и остались шрамы. Мы, старые люди, знаем, что возможно никогда не увидим дом. Неизменным остается наше законное право на свою родину. Для этого необходимо привить нашим детям и внукам это право, коли наши голоса молчат. Мы можем молчать часами вспоминая и грезя о своем доме.

Отто Хаген

Хронология Событий

В утренние часы 19 января 1945 года советские танки устремились в прорыв на инстербургские позиции около Братенштайна (Breitenstein, Kr. Tilsit, рус. Ульяново; это произошло в 6 км. севернее поселка) к северу от Грюнхейде (Grünheide, рус. Калужское) и днём достигли Ауленбаха (Aulenbach, рус. Калиновка). Там и к северу от посёлка они наткнулись на сопротивление фольксштурма, который обошли и двинулись дальше на запад в направлении Марктхаузена (Markthausen, Kr. Labiau, рус. Высокое) и на северо-запад в сторону Кройцингена (Kreuzingen, Kr. Elchniederung, рус. Большаково). Утром 20 января немецкие танки нанесли удар из Инстербурга в районе Гросс Варкау (Gross Warkau, рус. Степное), где завязалось ожесточенное сражение.

Примерно в то же самое время советские войска, подойдя с восточной стороны Эйхвальдерского леса к инстербургским оборонительным позициям, несмотря на упорное сопротивление, встреченное у Стригенгрюнда (Strigengrund, рус. Загорское), где фольксштурм понёс большие потери, 20 января форсировали реку Инстер. Из окрестностей Ауленбаха, в направлении на юг, советские танки к вечеру 21 января подошли к Георгенбургу (Georgenburg, рус. Маёвка), севернее Инстербурга. Город Инстербург был подвергнут артиллерийскому обстрелу. В полночь с 21 на 22 января фольксштурм в городе получил приказ отходить на юг. В утренние часы советские войска ворвались в Инстербург.

Ещё 21 января, достигнув Марктхаузена, они по Рейхштрассе 138 нанесли танковый удар в юго-западном направлении, выйдя к Прегелю у Таплакена (Taplacken, Kr. Wehlau, рус. Талпаки) и обстреляли южный берег реки. 22 января весь Инстербургский район к северу от Прегеля был занят советскими войсками.

Из Инстербурга они двинулись на юго-запад (в сторону Гердауэна (Gerdauen, рус. Железнодорожный) и на запад (в направлении Велау (Wehlau, рус. Знаменск) и Алленбурга (Allenburg, рус. Дружба), захватив к 23 января без какого-либо существенного сопротивления оставшуюся часть района к югу от Прегеля. Лишь у Гросс Эшенбруха (Groß Eschenbruch, рус. Светаевка) завязалось сражение за аэродром Морицфельде (Moritzfelde).

Большинство населения шло в колоннах беженцев. Некоторых подбирали грузовики вермахта.

Жители северных общин (регион Ауленбах) двигались по дороге через Марктхаузен-Ширрау (Schirrau, рус. Дальнее)-Велау или Тапиау (Tapien, рус.

Гвардейск) в направлении Кёнигсберга. Другие живущие к северу от Прегеля стремились к единственной переправе на его южный берег у Симонена/Норкиттена (Siemohnen, рус. Сиреневка/ Norkitten, рус. Междуречье). Из-за этого образовывались серьёзные заторы, приводившие к большим потерям среди беженцев от атак низколетящих советских самолётов. Многие из них бросали свои телеги и дальше шли пешком.

Жители южной части района двигались в сторону Алленбурга-Фридланда (Friedland, рус. Правдинск), затем по району Прейсиш-Эйлау (Preußisch Eylau, рус. Багратионовск) и дальше к побережью залива. Это приводило к образованию новых заторов, в основном у Фридланда. Там беженцы также частью бросали повозки, пытаясь отправиться дальше по железной дороге или на транспорте вермахта. По Фришской косе (Frische Nehrung, рус. Балтийская коса) большая их часть шла на запад, а оставшиеся в сторону Пиллау (Pillau, рус. Балтийск), надеясь убежать по морю.

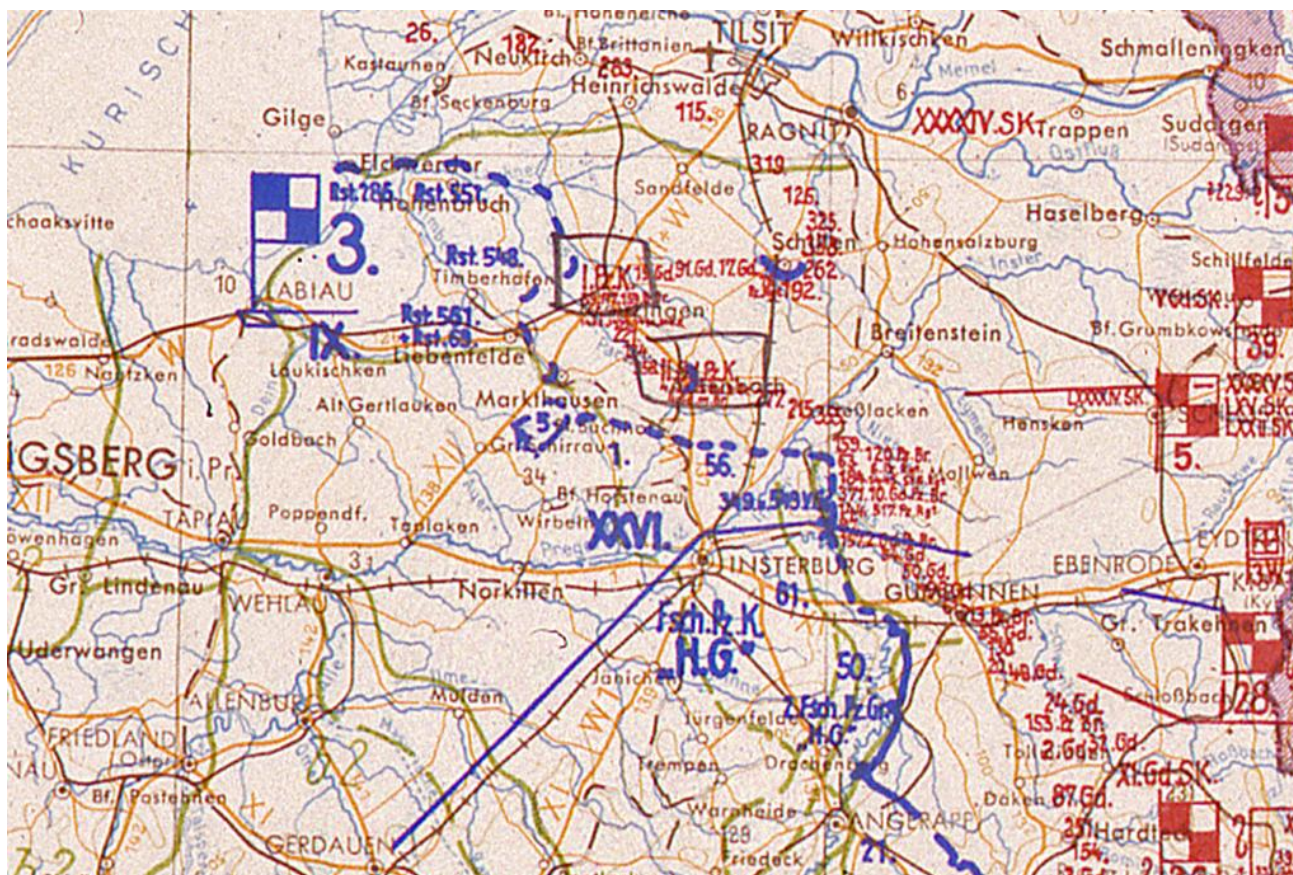
Уже через несколько дней после начала бегства отдельные обозы были настигнуты у Гросс Ширрау, Грюнхайне (Grünhayn, рус. Красная Горка), Кляйн Нуре (Klein Nuhr, рус. Суходолье) и Тапиау в районе Велау советскими войсками и рассеяны.

Согласно более поздним сообщениям можно сделать вывод, что примерно 100 человек из 28 общин района Инстербург остались дома. Это в большинстве своём были пожилые люди и те, кто полагал, что “всё не настолько плохо”.

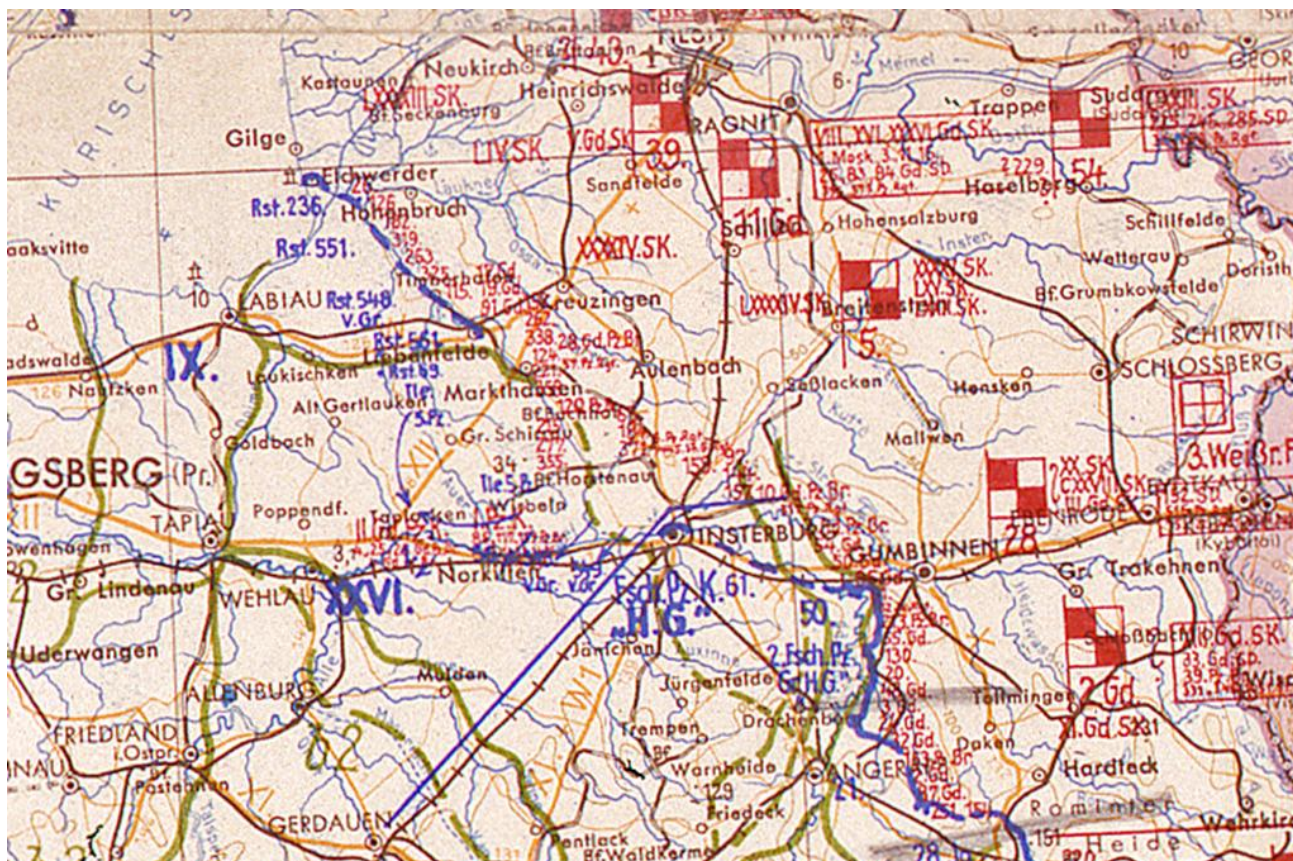
Бегство из Родного Края...

Население восточной части района начало эвакуацию ещё в конце 1944 года. Те, кто не служил в фольксштурме к 19 января 1945 года смогли вовремя уйти.

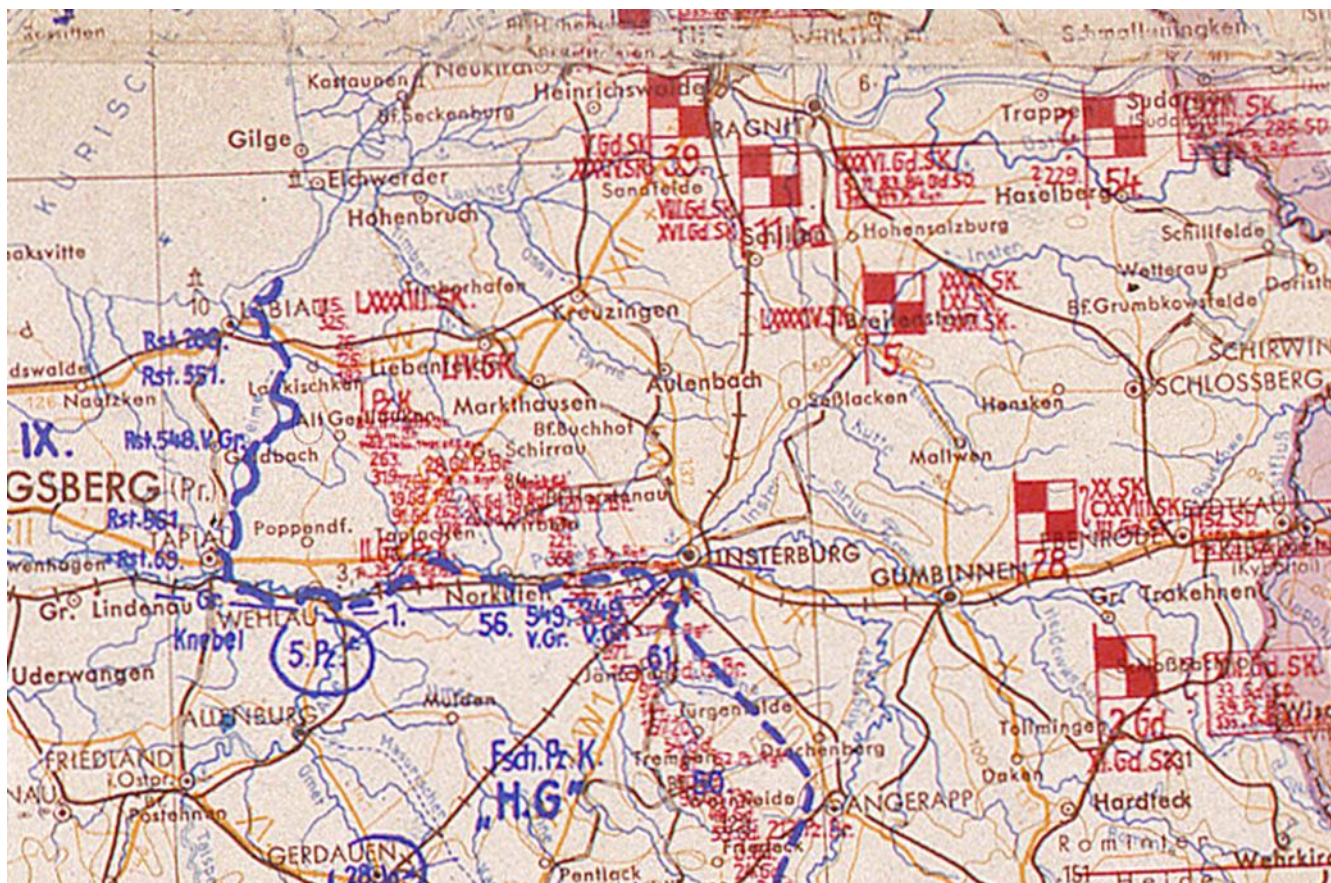
Оперативная обстановка в районе Инстербург в период с 20 по 23 января 1945 года

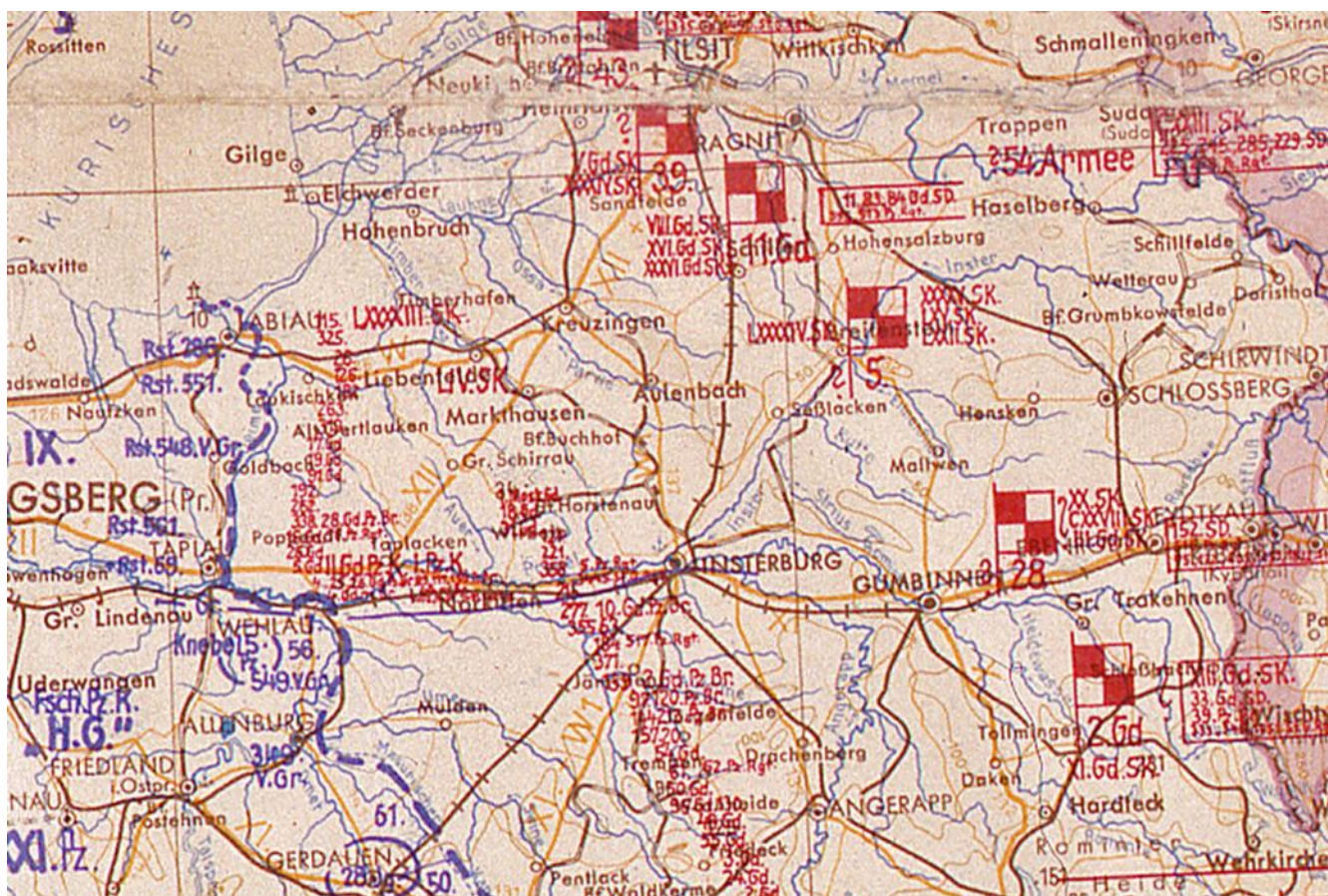
20 января 1945

21 января 1945

22 января 1945

23 января 1945

Жители тех территорий, которые не были эвакуируемы осенью 1944 года получили приказ об эвакуации лишь тогда, когда вражеские танки проникли в северные пределы района, то есть 19 и 20 января 1945 года. Из некоторых мест, лежавших на направлении удара советских танков, 19 января люди уходили по настоянию вермахта. Другие общины к северу от Прегеля бежали 20, а к югу от Прегеля лишь 21 января. Первоначально планировавшаяся дата выселения, предусматривавшая начало эвакуации 23 января, оказалась просроченной из-за стремительного советского наступления. 20 и 21 января от железнодорожных станций Вальдхаузен (Waldhausen, рус. Бережковское), Норкиттен, Пушдорф (Puschdorf, рус. Пушкарёво), Маттенау (Mattenau, рус. Угрюмово) и Бокеллен (Bokellen, рус. Фрунзенское) было отправлено несколько поездов с беженцами. Они забрали тех, у кого не было собственных транспортных средств. Поезда всё еще могли покинуть Восточную Пруссию.

...и Района Эвакуации Морунген

Бегство эвакуируемых жителей города и района Инстербург в район Морунген было частично затруднено из-за потери множества телег и повозок.

20 и 21 января было объявлено выселение района Морунген. Эвакуировавшиеся инстербуржцы уходили вместе с местными жителями между 21 и 23 января (Морунген был захвачен 23 января 1945 года). Быстрое советское наступление к побережью залива у Эльбинга привело к блокированию пути отхода через Мариенвердер или Мариенбург и поэтому им приходилось бежать через Браунсберг к побережью залива.

Многие эвакуировавшиеся инстербуржцы находились еще в районе Морунген или на пути туда, когда там появились советские войска. Основная масса беженцев из района Инстербург и из района Морунген, которые бежали по косе на запад, попала в начале марта в Померании и Западной Пруссии в советские руки. Кроме того, в Замланде небольшая часть ушедших туда инстербуржцев также оказалась в их руках в апреле 1945 года.

Движение Назад

Весной и летом 1945 года множество ушедших инстербуржцев вернулись из района Морунген и Западной Пруссии в свои родные общины. В основном это были семьи и отдельные лица, число которых в каждой общине не превышало 30 человек и составляло в среднем 5-10% от их населения в 1939 году.

При Советской Власти

Сразу после оккупации в некоторых посёлках района Инстербург были организованы советские комендатуры. Весной 1945 года в Россию стали вывозиться транспорт, сельскохозяйственная техника, мебель и прочее. Была разобрана железнодорожная линия Инстербург-Гольдап, а также узкоколейная железная дорога Ауленбах-Кройцинген.

Вернувшимся немцам иногда позволялось оставаться в собственных хозяйствах, но они предпочитали вступать в организованные оккупационной властью колхозы, чтобы избежать грабежей и преследований. Советские военные колхозы, которые стали появляться в районе с весны 1945 года, спустя некоторое время переходили под гражданское управление и существовали в следующих населенных пунктах: Фридрихсхульд (Friedrichshuld, рус. Песчаная), с 01.06.1945 по ноябрь 1946, в нём работало около 25 человек; Рефельд (Rehfeld, не существует), с ноября 1946 по январь 1947, в нём было примерно 20 немцев; Янзонсруэ (Janzonsruh, рус. Ярки), с января 1947 до самого изгнания 10 сентября 1948 года, в котором жило 40 человек; Кляйн Эшенбрух (Kl. Eschenbruch, не существует), Лаппёнен (Larponen, рус. Дачное), в 1946, Морицфельде (Moritzfelde, рус. Братское) в январе 1946, Гросс Лугау (Gross Lugau, рус. Чайковское), Грюнбиркен (Grünbirken, рус. Архангельское) (здесь сначала был военный, а затем гражданский колхоз), Стаатсхаузен (Staatshausen, рус. Подгорное) (до осени 1945 года, военный колхоз), Штейнакер (Steinacker, рус. Ударное) (86 немцев, 36 из которых умерли от голода), Кляйн Герлаукен (Klein Gerlauken, рус. Вязовка) (позже упразднён), Нойнассау (Neunassau, рус. Привольное), Финкенгрунд (Finkengrund, рус. Шушенское) и Сесслакен (Seßlacken, рус. Придорожное), Ауленбах (Aulenbach, рус. Калиновка), Штагген (Staggen, не существует), блюменталь (Blumental, рус. Овражное), Камсвикен (Kamswiken, в пределах Черняховска), Линденберг (Lindenberg, не существует), Розенталь (Rosental, рус. Низменное), Ауер (Auer, не существует), Йодлаукен (Jodlauken, рус. Володаровка), Старкеникен (Starkenicken, рус. Совхозное), Норкиттен (Norkitten, рус. Междуречье).

Поскольку неработающие не получали продовольственных пайков смертность среди вернувшихся в 1945 году домой немцев к 1948 году была очень высокой. Из общины Ангерлинде (Angerlinde, рус. Мичурино), к примеру, умерло 10 из 14 репатриантов; из Гросс Эшенбруха 7 из 19; Гросс Гертлаукена 5 из 7; Хонигберга (Honigberg, рус. Вишнёвое) 6 из 11 и в Киршланде (Kirschland, не существует) 8 из

22 репатриантов. С 1945 до 1948 годы под советской оккупацией умерло примерно около одной трети живших там немцев.

Чтобы избежать голодной смерти некоторые люди, в основном молодежь, отправлялись в Литву и просили там милостыню.

В Ауленбахе существовал приют для немецких детей, в котором, несмотря на распределение посылок Красного Креста, многие воспитанники умерли. В последние месяцы дети уже еле-еле говорили по-немецки, хотя их учителем была немка. Богословские чтения также были запрещены. С 1946 года в некоторых посёлках района стали обосновываться русские поселенцы.

Высылка

Изгнание оставшихся немцев из района Инстербург происходило в апреле и сентябре 1948 года. Депортируемых забирали прямо с их рабочих мест в колхозах, которые после этого закрывались, и отправлялись на грузовиках в Кёнигсберг.

Из района Морунген инстербургские беженцы были выдворены поляками в ноябре 1945, 1946 и 1947 годов, а из Померании осенью 1945 года. Отдельные семьи всё ещё проживают в районе Штольп.

Преступления Против Населения

В районе Инстербург оставшиеся или позднее возвратившиеся туда жители, также как и в районе Морунген, гибли от рук советских воинов. В районе Морунген, в Померании и Западной Пруссии, некоторые инстербуржцы, прежде всего женщины и девушки, угонялись в Россию.

На территории района в конном заводе Георгенбург (Georgenburg, рус. Маёвка), около Инстербурга, существовал большой военный и гражданский лагерь, в котором содержались немцы со всех уголков Восточной Пруссии. Всего около 1000 человек. Другие, меньшие лагеря, находились в Цвионе (Zwion, рус. Доваторовка) рядом с Инстербургом, Биркене (Birken, рус. Гремячье) и Грюнхейде.

По выводам “Arbeitskreises Hamburg”.